

А. ПРАСЛОВ

ПЬЕСЫ

Алексей Праслов

Пьесы. Кураж и шутки

«Издательские решения»

Праслов А.

Пьесы. Кураж и шутки / А. Праслов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508156-8

Такое ощущение, что автор на самом деле куражится и над собой, и над своими героями, и над происходящим с ними, и вокруг них. Легко, шутейно скользит по «социальным» горкам, по разворотам, поворотам и переворотам в их жизни и даже в жизни страны. Вроде бы «бытовщинка», иногда даже «тьмутаракань», но лихие столкновения характеров, ядрённость и сочность речи, переживания героев, и их искренняя страсть во всём этом, вызывают не только улыбку, смех, но и желание помолчать, подумать, посочувствовать. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-508156-8

© Праслов А.

© Издательские решения

Пьесы

Кураж и шутки

Алексей Праслов

© Алексей Праслов, 2019

ISBN 978-5-0050-8156-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГУРЧИКИ СОЛЁНЫЕ!..

МАРАЗМАТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

СЕМЬЯ ВАНЮШКИНЫХ:

ДЕД НИКИТА

СТЁПА, его внук;

МИТЬКА, отец Стёпы;

МАНЬКА, мать Стёпы.

СЕМЬЯ БОЛЬШАКОВЫХ:

ЕГОР КУЗЬМИЧ, бывший председатель;

СОНЯ, его жена.

ПЕРВЫЙ АКТ

КАРТИНА 1

В доме Ванюшкиных. Ночь. Кухня. За печкой спит дед Никита. Из дверей комнаты с криком выбегает Стёпа, трясёт головой, прыгает, крутится на одной ноге.

СТЁПА: Ой, бляха-муха! Ой! Куда-а-а? А-ай! Кыш, падла! Ну, куда? Ну-у! Как же эт? Пошёл, гад! О-о-о... Ха-ха-ха...

Смеётся, дёргается, падает на пол, перекатывается. Из комнаты, надевая халат, выходит Манька, включает свет.

МАНЬКА: Стёпушка, ты чего?

СТЁПА: В ухе... Кышь-брысь! С-сючара!.. В ухе!

МАНЬКА: Батюшки!.. Чего в ухе-то? Ничего не вижу... Ты чего?

СТЁПА: Да там он!.. Ай, соб-бака! У-ю-ю-ё-о-о... о-а-а!

МАНЬКА: Ды батюшки! (зовёт деда) Папань! (Стёпе) Ты, эта... ладно, а?! Никого нету!

СТЁПА: (бьётся головой об пол) Он меня с ума сведёт... Ф-фу, гадина-а!

МАНЬКА: Стёпка, ты эта... не надо... эта... Слышь? Не надо! Ты-ы... (кричит) Папаня, што ль!

Хватает с лавки у порога ведро с водой, окатывает Стёпу. Тот вскакивает с пола.

СТЁПА: Ё-о-о! Ты, мам, чего?

МАНЬКА: Эт ты чего?

Из-за печи выглядывает дед.

ДЕД: Вы чего?

СТЁПА: В уху кто-то... залез... А она меня водой... Ледяной, прям!

МАНЬКА: А я думала припадок! Вот, думаю...

ДЕД: Кто залез-то?

СТЁПА: А я знаю? Таракан, наверно.

ДЕД: Ну и чего?

СТЁПА: Щикотно, чего! О, о... Опять, гад! Ха-хых... И-и-и...

МАНЬКА: Дак вытащи, чего пляшешь!

СТЁПА: Как я его?

ДЕД: Пальцем, как.

СТЁПА: Ага, пальцем!.. В ухе давить?

МАНЬКА: Давай я.

СТЁПА: Какая разница? Ай-я-а-а... Вонючка!

ДЕД: Ну, пусть живёт, пляши.

Ложится.

СТЁПА: (всхлипывает) Чё делать-то, мам?

МАНЬКА: Может, ещё водичкой?

СТЁПА: И так ведро бухнула! Дрожу, а толку?

МАНЬКА: А мы тёпленькой, прям в уху...

СТЁПА: Ага, в уху! А-ай! (орёт) А-а-а-а-а...

МАНЬКА: Да, господи... (к деду) Папань, ну чё ты?

Дед встаёт, подходит к Стёпе.

ДЕД: Ну-кась, нагнись-ка

Стёпа нагибается, дед поворачивает его голову набок.

Ухи-то какие грязные! Э-э, чалдон!

Бьёт ладонью по другому уху, как бы выбивая. Стёпа падает на пол.

СТЁПА: Всё!

МАНЬКА: Что «всё», вылетел?

СТЁПА: Всё, барабанная перепонка лопнула.

МАНЬКА: Ой, батюшки! (громко) Не слышишь?

Стёпа молчит.

ДЕД: (тоже громко) Слышишь нас-то?

СТЁПА: Слышу.

ДЕД: Ну, значит, не лопнула.

СТЁПА: Лопнула! Звенит, потому что.

ДЕД: Когда лопнет, не звенит.

МАНЬКА: А как, когда лопнет?

ДЕД: Когда лопнет – тишина. (Стёпе) А там, в другом, щикотит?

СТЁПА: Нет.

ДЕД: Ну, вот.

Идёт за печь, ложится. Стёпа трясёт головой.

СТЁПА: Башка теперь гудит.

МАНЬКА: А таракан?

СТЁПА: Не слышу.

МАНЬКА: (кричит) А таракан?

СТЁПА: Его, говорю, не слышу.

МАНЬКА: Проверь.

Стёпа пальцем проверяет.

СТЁПА: Тут га... гадина! У-ух, говорил же! Раздавил!

МАНЬКА: Ну и чего, больно-то, подумаешь! Мало ли их по нам шныряет?

СТЁПА: Противно!

МАНЬКА: Уж куда там! Заодно уши промоешь, с зимы, поди, не мыл.

Уходит в комнату.

СТЁПА: (ворчит) С зимы! Промоешь!.. (подходит к печке, шупает чайник) Промоешь тут, остыл давно. Во, жизнь, а! В ухо капнуть – печку разжигай! (кричит) Промоешь тут!

ДЕД: (из-за печки) А? Каво?

СТЁПА: Как в берлоге!

ДЕД: Кто?

СТЁПА: Ты, дед, и я с тобой!

ДЕД: (не поняв) А ты пальцем, пальцем. С ранья они дохлые..

СТЁПА: Сранья... (смотрит на часы) И часы стоят!

ДЕД: Кукушка поломатая.

СТЁПА: Кукушка! Х-ха! У людей компьютеры, а тут... Ку-ку!

Из комнаты, зевая, выходит Манька.

МАНЬКА: Сколько время-то?

СТЁПА: Пол ку-ку!

Уходит в комнату.

МАНЬКА: Вот и я думаю, чего ложиться-то? Отец скоро с дежурства придёт. (смотрит на пол) Подтереть тут, навожено.

Берёт тряпку, вытирает пол. Зевая, кряхтя и почёсываясь, из-за печки выходит дед.

ДЕД: Не заснёшь.. Орёте тут... Мань, ты бы водички мне... Сырой тока, не кипячёной... В глотке чего-то пересохло.

МАНЬКА: (заглядывает в ведро) Эх, водички! Я её всю на Стёпку буздыхнула. Стёпк, слётай за водой, пока не улёгся!

СТЁПА: (из комнаты) Я сплю!

МАНЬКА: Давай, давай! А то отец придёт, и даже чаю нет.

СТЁПА: Какой чай? Ночь!

МАНЬКА: Не ночь, светает уж. Ночь! Как таракан, так вскочил, а тут – ночь! Кому сказала? И дед пить хочет. На твоего таракана всю воду извели!

Стёпа со штанами в руках выходит из комнаты.

СТЁПА: Во-первых, таракан не мой, а ваш! А во-вторых, кто тебя просил лить на меня воду? Вон, мокрый весь, а толку?!

МАНЬКА: Думала, с ума сошёл, добежался по ночам!.. Зачем тебе штаны-то? Кто тебя щас видит?

СТЁПА: Сойдёшь тут!

Бросает штаны, берёт ведро, уходит.

ДЕД: Чего он такой? С Нюркой опять разгавкался?

МАНЬКА: Да кто его знает? Таракан, поди, укусил.

Смеются. Вбегает перепуганный Стёпа, без ведер.

СТЁПА: Ни хрена! Вот это да! (бежит от окна к окну) Во, во, во! Да вон же, гляньте!

ДЕД: Вода-то где?

СТЁПА: Да какая вода!? Какая вода? Ты глянь! (утыкается в окно) Ё-моё! Да гляньте же!

Манька и дед смотрят в окно.

МАНЬКА: Бат-тюшки! Ба-а!..

ДЕД: Чей такой?

СТЁПА: Да что ты дед, «чей»? Это ж... Это... Закрыться надо! Закрыться!

Манька бежит к двери, но она с треском открывается, и в кухню вбегает испуганный, потный Митька. Он садится у порога, отдыхает.

МИТЬКА: Ёкарный бабай! Я за ним... я его... с самого гумна пасу... Где ползком, где вприсядку, где как... Водички бы... Упрел!

МАНЬКА: (Стёпе) А ведра, ведра где?

СТЁПА: Да чего «ведра»?!

МАНЬКА: Как чего? Малированные! Потопчет! (подбегает) к окну) Где он?

МИТЬКА: Да дайте попить-то!

ДЕД: Таракану споили. Сам усыхаю... (берёт с плиты чайник) У-у, и здесь на дне. (пьёт, отдаёт Митьке) Не люблю я холодную кипячёную, воняет.

МИТЬКА: А мне, хрен с ней! (с жадностью опустошает чайник) Чё делать будем? А? А, Стёпк? Чё делать-то, ты умный?

СТЁПА: Башка не варит... Дед по уху треснул!

МИТЬКА: Зачем?

ДЕД: Таракана вышибал. А тут вон чё! Митьк, кто он... этот? Ты рядом был, разглядел? Кто?

МИТЬКА: Страшно сказать, батя... Не верится! Не бывает!

СТЁПА: Да чё «страшно»? Чего «не бывает»? Во-он, бывает! (деду, Маньке) Снежный человек – вот кто!

МАНЬКА: Будя болтать-то!

ДЕД: Какой «снежный»? А галстук на ём?

МАНЬКА: Где разглядел? (смотрит в оно) И правда, гля!

МИТЬКА: Да вот я и подумал... Может, задрал кого?

МАНЬКА: Батюшки!.. Вёдра-то, вёдра там!

ДЕД: Как «задрал»? А я думал, кто шубу вывернул, дурачит. Как это «задрал»? (тоже смотрит в окно) О-о, здоровый кобылина! Кого ж это он угробил-то? У нас сроду никто в галстуках не ходил?!

МАНЬКА: Как не ходил? А Кузьмич, когда в председателях был? (причитает) Ой, Егор Кузьмич!.. Да как же ты, родненький?! Горюшко-то какое Соне! (опять смотрит в окно) Вёдра-то пропадут... Сомнёт в лепёшку... Ой, горюшко! (кричит) Пошёл! Пошёл, чёрт лохматый!.. Крутит и крутит у колонки... Чего ж делать-то?

ДЕД: Пить тоже хочет, поел... Кузьмича... Неужто всего слопал?

МИТЬКА: Да погодите вы!.. Я думаю, загнать надо в... Ну, изолировать!

МАНЬКА: Только не к нам! Гоните куда подальше, а то и на двор не сходишь! На ферму, вон...

МИТЬКА: Ладно. Значит так, Степан... (встаёт) Загоним и к Кузьмичу. Да не верю я про Кузьмича! За гумном же! Чего он там, за гумном-то, в галстукешке шлялся, Кузьмич-то?

МАНЬКА: Он и в уборную в галстукешке ходил, сама видала!

МИТЬКА: Это когда было? Щас он пенсионер.

ДЕД: А пенсионеры в уборную не ходят, что ль?

МИТЬКА: При чём здесь уборная?

ДЕД: Да вон Манька всё: уборная, уборная...

МАНЬКА: Чего? Я про галстук.

ДЕД: А я говорю – такого не сожрёшь! (Митьке и Стёпе) Вилы возьмите, ещё чего... Кто его знает?!

СТЁПА: Щас я штаны одену...

МИТЬКА: Какие штаны?! Некогда! Тут такое!.. Айда!

Митька уходит. Стёпа, отбросив штаны, идёт за ним.

МАНЬКА: (вслед) Стёпк, ты издаля... а то за майку схватит и...

ДЕД: Вы добром его, лаской подманите! (Маньке) Ты тоже – за майку, за майку!.. Что ж ему совсем разнагишаться? Писюль отгрызёт, ещё хуже!

МАНЬКА: Ой, батюшки!

Смотрят в окно.

КАРТИНА 2

В доме Егора Кузьмича Большакова. Кузьмич сидит за столом, ест. Стук в дверь. Входят Митька и Стёпа.

МИТЬКА: Здорово, Егор Кузьмич! Живой?

КУЗЬМИЧ: А чего мне? Щи ем.

СТЁПА: (обрадованный, возбуждённый) Хорошо! А то с самого утра... То таракан, то дед сдурел, в ухо врезал... Я аж запел! А то галстук увидели, думали – всё, сожрал! А вы вот... сидите... щи хлебаете... живьём...

Кузьмич непонимающе смотрит на них.

КУЗЬМИЧ: Ты, Стёп, чего, заболел, что ль, взмокший весь такой? Или из бани?

СТЁПА: А-а, не-е, из ведра... Мамка окатила. (вытаскивает из-за пазухи галстук) Галстук ваш?

КУЗЬМИЧ: Мой, кажись.

МИТЬКА: А кого ж он тогда сожрал?

СТЁПА: Может, пугало?

МИТЬКА: Кто ж пугало ест? Он человек всё ж-ки, палки-то грызть!

СТЁПА: (Кузьмичу) А тёть Соня где? Где тёть Соня?

КУЗЬМИЧ: Чего? Была...

СТЁПА: Ну, Егор Кузьмич, ну даёшь! Тут такое, а он – была!

МИТЬКА: погоди, Стёп, погоди!.. Чего городишь? Пугало, тёть Соня!... Что ж он тёть Соною пугалом нарядил, галстук ей повесил и за гумном воткнул... а-а... то есть поставил? Да и гумно-то чё? Носковых!

СТЁПА: Я просто анализирую. Вот галстук, вот Егор Кузьмич...

МИТЬКА: Да ладно с галстуком!.. Кузьмич, тут... вот... В общем, снежного человека поймали!

КУЗЬМИЧ: (не понимает) Та-ак! Так, так. Кто?

МИТЬКА: Мы со Стёпкой.

СТЁПА: Я же говорю: дед мне в ухо врезал, я запел, а таракану хоть бы что! А дед – пить, пить...

СТЁПА: А мамка: у нас, говорит, только Егор Кузьмич всю жизнь в уборную в галстуке ходил!

МИТЬКА: Да что ты – уборная, уборная?!

СТЁПА: Я про галстук!

КУЗЬМИЧ: Так, стоп! Чё порете, не пойму? (встаёт) Дай-ка гляну.

Берёт у Стёпы галстук, подходит к шкафу, достаёт свой, сравнивает.

Не мой. У меня горошек мельче.

МИТЬКА: Слава богу! Значит, не тебя сожрали.

КУЗЬМИЧ: (подозрительно смотрит на них) Тараканы, говорите, в башке? Допились до чертей! Поди, всю ночь квасили-то?

МИТЬКА: Кто-о? Я на дежурстве спал, Стёпка дома, да и мал ещё... Когда, с кем?

КУЗЬМИЧ: С человеком-то, со снежным?

МИТЬКА: Ага, щас попьёшь у хозяина-то! Давно и не нюхал.

КУЗЬМИЧ: (всё так же с подозрением) А почему ко мне? Дурнее не нашли? А, Стёпк? Вот увидели кого-то не того и сразу ко мне, почему?

МИТЬКА: Дак ты ж у нас этот... бывший...

КУЗЬМИЧ: Вот именно! Беги к теперешнему и вешай ему... на уши...

МИТЬКА: А кто он теперешний-то? Мы ж все на паях, все, вроде, равные...

КУЗЬМИЧ: И никто теперь ни за что, да? Идите к фермеру, к Широкову, вон... Он даст на опохмелку. Хозяин! Так, не так? Всё, адью, щи стынут!

СТЁПА: Фу, ёлки!... Говорим же...

МИТЬКА: Погоди фукать! Человек щи ест, а мы ему сразу такое в морду... (мягко) Кузьмич, хлеб да соль!

КУЗЬМИЧ: Ем да свой!

МИТЬКА: (Стёпе) Во, вишь, и завязался разговор. (подождал, помолчал) Доел?

КУЗЬМИЧ: (отодвигает тарелку) Доешь с вами... В рот заглядываете... Бу-бу-бу, бу-бу-бу!.. Чего пришли?

СТЁПА: Да ёлки, блин, моталки!... Дело... всемирное, а вы...

МИТЬКА: Не кипятись! (подходит к Кузьмичу) Егор Кузьмич, тебе как бывшему коммунисту... Вот те крест, мы снежного человека поймали!

КУЗЬМИЧ: Дыхни.

Митька и Стёпа шумно выдыхают, Кузьмич принимает.

МИТЬКА: Даже не жрамши.

КУЗЬМИЧ: Кха, кха... Снежного? Поймали, говорите? Ага, ага... Хе-хе! Где? Как?

МИТЬКА: Да вот так! За гумном у Носковых пристроился и

КУЗЬМИЧ: То есть?

МИТЬКА: То есть – по настоящему, по-человечески! Сел по нужде и шух, шух, шух... Ну, мы со Стёпкой секём...

СТЁПА: А он погадил и дёру!

КУЗЬМИЧ: Ка-ак? Подножку ему и связать!?

МИТЬКА: А как же, так и сделали. Скрутили уже у колонки.

Кузьмич встаёт, ходит, поглядывая на Стёпу и Митьку, думает.

КУЗЬМИЧ: Дожили! То одно, то другое, то... Скоро завширеем... А тут вон зараза какая! Не буйствовал этот-то? Не выражал чего?

СТЁПА: Не-е, галстук не отдавал. А так – сопел и глазами зыркал по сторонам.

КУЗЬМИЧ: Куда пристроили?

МИТЬКА: В свинарник, больше некуда.

КУЗЬМИЧ: Ну и ничего?

МИТЬКА: Да как ничего? Он свиноматку... того...

КУЗЬМИЧ: (испуганно) Чего-о?

СТЁПА: Сосёт.

КУЗЬМИЧ: А-а! А она?

СТЁПА: Визжит.

КУЗЬМИЧ: А он?

СТЁПА: Хрюкает и глаза закрывает.

КУЗЬМИЧ: Ну, жрать захочешь, захрюкаешь!

МИТЬКА: Да хрен его знает! Он за гумном одно хотел, а тут увидел сосок и вцепился. Опростался, поди, и с голодухи-то...

КУЗЬМИЧ: Разберёмся! (энергично одевается) Не прошляпить бы. Щас время такое: кто сгрёб, тот и уё... уел, так сказать. (Митьке, делово) Мы с тобой туда, к нему, (Стёпе) а ты... Помёт за гумном собрать в пакетик целлофановый!

СТЁПА: Да где ж я столько пакетов найду?

КУЗЬМИЧ: (удивлённо) Ка-ак?!

СТЁПА: Там же всё село вечерами сидит!

КУЗЬМИЧ: Дурина! Его помёт! Чтоб ни одного пука не пропало! Значит, в пакет и... И пока оставьте у себя.

СТЁПА: Где у себя-то? Это ж... Оно же... Где у себя?

КУЗЬМИЧ: В холодильник приberi.

МИТЬКА: (возмущённо) Да вы что? У нас там... кой-чего и килька... открытая... в банке!

КУЗЬМИЧ: А-а!.. Пусть в погреб спустит.

СТЁПА: А бациллы?

КУЗЬМИЧ: Какие бациллы? Вши у всех одинаковые, а он как-никак человек!

СТЁПА: Дак снежный же?!

КУЗЬМИЧ: Вот именно! У него и дерьмо золотое для нас! Слушай и не спрашивай ничё! Впер-рёд! И чтоб никому пока, понял?

СТЕПАН: Не понял, но смолчу.

Убегает.

КУЗЬМИЧ: (всё ещё с подозрением) Митьк, а Митьк? Может, пьяный кто, из Берёзова?

МИТЬКА: Не-е, не здешний. Сам большой и морда – во-! – только косяки щеками вышибать.

КУЗЬМИЧ: Да-а? И последнее... э-э... Голый?

МИТЬКА: Весь. То есть волосатый и в галстук. Был, то есть, в галстук.

КУЗЬМИЧ: (подмигивает, намекает) А как насчёт того самого? Ну, мужик же, или нет?

МИТЬКА: О-о, солидно! Мужик-и-ик, да та-акой, у-у!

КУЗЬМИЧ: Да-а? (обеспокоенно оглядывается, зовёт) Соня? Соня, ты дома?

ГОЛОС СНИ: Дома. С огурцами тут вожусь.

КУЗЬМИЧ: И хорошо! И никуда не выходи. Слышь, никуда! Я по делам, вернусь скоро. (Митьке) Айда!

Уходят.

КАРТИНА 3

В доме Ванюшкиных. Дед Никита сидит, прижавшись ухом к радио. Входит Манька, вносит два ведра воды.

ДЕД: Я тут радиво слушаю. Скажут чего, нет?

МАНЬКА: Ага, скажут! Ещё телевизор включи.

ДЕД: Некогда. Скажут, думаю.

МАНЬКА: Да кто знает-то? (ставит ведра на лавку, осматривает) Кажись, помял одно. Ну, помял, не круглое... Паразитина такая!

ДЕД: Должны сказать.

МАНЬКА: Специальные новости, для тебя прям! Это ж у нас только... вылутился такой...

ДЕД: Почему это у нас? Щас везде хренотень всякая.

МАНЬКА: Прям везде! (о ведре) Как новое было. Щас таких не купишь за наш кукиш. (деду) Ходят прям, по твоему, везде и ведра мнут!

ДЕД: Не ведра – хуже! (встаёт, идёт к ведам) Молчат собаки! (ищет кружку) И этих нет, пропали.

МАНЬКА: (беспокойно) Чего ты – «этих»? Кого этих-то?

ДЕД: Да Стёпки с Митькой. Долго, говорю.

МАНЬКА: Придут! «Этих»! Чего ты? Батюшки, где ж они?

Подходит к окну, смотрит.

Бежит! Стёпка бежит, да так шибко. И оглядывается чего-то, и оглядывается!

ДЕД: (садится на табуретку) Попить не успел... Живой бежит-то?

МАНЬКА: А то какой?

ДЕД: Ну, мало ли.

Вбегает Стёпа и сразу к окну.

СТЁПА: О, идут! А? Идут себе!

МАНЬКА: Да сколько ж их?!

Бежит к двери, закрывается на крючок.

Может, высадились откуда? Щас везде...

СТЁПА: Ага, высадились! С лодочки! Всю ночь, поди, катались, сверчков слушали! Ну, ничего, ничего... Прибежит, да хренушки!

МАНЬКА: Их как, много?

СТЁПА: На кой много? Им и вдвоём неплохо.

ДЕД: Вдвоём? А тот, первый, то есть третий?

СТЁПА: Какой ещё третий? Она что, по вашему, гулящая?

ДЕД: Кто?

СТЁПА: Нюрка, кто!

ДЕД: Тьфу ты, твою мать! Ему про хвост, а он про х-х... про хобот! Нюрку свою всё выглядывает. Я ж про этого... того... гамадрила, который волосатый и в галстук?

СТЁПА: А-а... (вытаскивает из-за пазухи галстук) Галстук-то вот.

Манька берёт галстук, смотрит на него, готовая заплакать.

(глядя в окно) Ничего, плакать будет, да поздно!

МАНЬКА: А... сам Егор Кузьмич? Он что? Как?

СТЁПА: Так, как! Даже щи не доел, бедняга.

ДЕД: (шлёпает Стёпу по затылку) Ты говори путём, когда тебя родители и... деды спрашивают! А то ни хрена не поймёшь, кто кого сожрал, и кто в Егор Кузьмичёвом галстук в уборную ходит!

МАНЬКА: (оседает на табуретку) Ой, о-ё-ёй! Ой! А... А... А отец, отец где?

СТЁПА: Там же, где и Егор Кузьмич.

МАНЬКА: А-а-а... Обоих, значит... Обоих... (вопит) Митенька-а... Митюша мой!

Падает в обморок. Дед хватается за грудь, хрипит.

ДЕД: Эх, Митька, Митька... Чалдон... Как же ты? (Стёпе) Черпни водички... Я ведь так и не попил.

Стёпа черпает воду, подаёт деду. Дед замечает пакетик в его руке.

А эт чего такое? Душок какой-то...

СТЁПА: (смущённо) Да это... Егор Кузьмич... Надо сохранить... Человек же...

Кладёт пакетик в холодильник.

Его воля... тут уж... Что ж теперь?

ДЕД: (хлебает воду, плачет) А посля Мити, отца твоего, ничего, что ль? Хыть пуговку... не подобрал?

Кто-то стучит, ломится в закрытую дверь.

СТЁПА: Ну, вот и он, наверное

Идёт к двери.

ДЕД: Стой, я сам! Оттащи мать в комнату.

Стёпа тащит Маньку в комнату. Дед что-то ищет, оглядывается по сторонам, потом хватается ведро с водой, встаёт на лавку у двери, кричит за дверь.

У меня вот... топор!.. И в другой руке тоже кое-чего!.. Жахну с двух – и шкуру на забор! Не нажрался, гамадрил хренов? Ты не ломай, не ломай дверь, кому сказал?! А ну, Стёпка, заряжай второе ружьё! Заряжай, как на медведя, не бойсь! Давай, готовься, пли! Тьфу!...

Дверь распаивается, влетает Митька, и дед по инерции нахлобучивает ведро с водой на его голову.

МИТЬКА: Да вы что, мать вашу, с утра всех купаете?

ДЕД: Митька?! Ты... Кто?

МИТЬКА: Водяной теперь, не видишь? Что с дверью-то?

Из комнаты, хохоча, выбегает Стёпа, за ним осторожно, с опаской, выходит Манька.

СТЁПА: А меня окатили да ещё и по уху врезали!

МАНЬКА: (бросается к Митьке, обнимает) Митя! Митенька!... Целый? Ничего у тебя не откусили? Ты чего мокрый такой?

МИТЬКА: Вспотел, чего! Ладно, собирайтесь, Кузьмич ждёт.

ДЕД: Кузьмич? Дак он чё, живой? (Стёпе) Паскудник, я те и по второму уху врежу! (передразнивает) «Приказал долго жить!» Пакетик ещё держал перед носом...

СТЁПА: Я так не говорил! А в пакете не его...

МАНЬКА: Прямо теряюсь теперь, кого ж тогда сожрали?

МИТЬКА: Потом разберёмся, некогда. Егор Кузьмич к себе зовёт. На совет.

Быстро собираются и уходят.

КАРТИНА 4

В доме Большаковых. За столом сидят Егор Кузьмич и Соня, ждут. Егор Кузьмич в шляпе и при галстуке. В дверь стучат.

СОНЯ: Открыто. Ждём

Входит вся семья Ванюшкиных. Большаковы встают.

МАНЬКА: Здравствуйте, соседи! Мы так рады, Егор Кузьмич, что ты опять живой! Прямо, как на картинке, такой... румяный да гладкий!

ДЕД: (жмёт Кузьмичу руку) Поздравляю!

КУЗЬМИЧ: Мы ещё с тобой, Сергеич, как говорится попыхтим! Так не так? Рассаживайтесь.

Все садятся за стол.

СТЁПА: (важно) Егор Кузьмич, кал на месте.

КУЗЬМИЧ: Как?

СТЁПА: Кал, говорю, где надо.

КУЗЬМИЧ: А-а, благодарю за службу.

СОНЯ: Картошка, поди, готова, подавать?

КУЗЬМИЧ: Неси.

Соня уходит.

МАНЬКА: (вслед) А я говорю, Соне-то, Соне и обмыть некого, галстук один, прямо беда... Аж всплакнула!

КУЗЬМИЧ: Ёксель-моксель, а галстук-то цел?

СТЁПА: Цел. Вот.

Отдаёт галстук Кузьмичу.

КУЗЬМИЧ: Вот, вот, вот, вот... Положили на живот, а он первернулся.

ДЕД: Кто?

КУЗЬМИЧ: Шутю. Прибаутка такая. Со смыслом.

Смотрит на всех, многозначительно покачивает головой.

Вот... пришёл к нам снежный человек... Ко всем пришёл. Так не так? А его кто-нибудь захапает и частным образом для своей только выгоды употребит.

Соня приносит картошку, ставит сковороду на середину стола, садится.

У нас ведь теперь как? Кто богаче, тот и главней? Так не так? Уж не ты ли, Сергеич, богач? Иль ты, Митька? А? Или что, с дымком да с шиком в трубу да с пшиком?

Разливает водку по рюмкам. Все молчат.

У кого самый большой пай?

МИТЬКА: У Широбокова.

КУЗЬМИЧ: Вот Широбоков и окажется главней... у кормушки!

СОНЯ: Эт за какие такие заслуги?

КУЗЬМИЧ: А щас, Сонь, заслуги не считают.

Поднимает свою рюмку.

Молчим? Ладно, выпили и закусили. Так не так?

ДЕД: Ещё как «так»! Не зря меня с утра жажда мучила.

КУЗЬМИЧ: Не об том речь, Сергеич.

Не чокаясь, выпивает. За ним пьют все, кроме Стёпы. Закусывают.

Не об том, дорогой ты наш пенсионер, заслуженный и забытый!

МАНЬКА: Ой да-а, щас и правда жизнь-то...

СТЁПА: Мамань, ты погоди, не мешай.

МИТЬКА: Тихо вы! Егор Кузьмич, чего – говори.

КУЗЬМИЧ: (встаёт) Время щас трудное, лихое. Мутное время. А спроси нас, кто был против перемен? Никто! Вот уж и десять, и пятнадцать, да и двадцать пять лет пройдёт, а всё равно – никто!

ДЕД: Ясно дело никто! Ну и выпьем за это.

МАНЬКА: Папань, ты бы приструнился.

ДЕД: Ды я... Огурцы больно хороши... И на соль, и так, вообще... И мягкие, и хрумят!

МАНЬКА: А ты их как, Сонь, вымачиваешь или чё?

СОНЯ: А как же! Но потом не ошпариваю, сами киснут.

ДЕД: Во-о! А ты соли бухнешь да перцу и бултыхаешь туды-суды на плите... Аж потом в задку жгёт!

МИТЬКА: А я люблю с перцем.

ДЕД: Поживи с моё, «люблю»!

СОНЯ: (Маньке) Только чтоб жопки чисты были, а то взорвутся.

СТЁПА: Да чего они про огурцы, про жопки какие-то, Егор Кузьмич?

КУЗЬМИЧ: Не осознаём, значит, момента. В болоте обывательства квакаем.

Стучит вилкой по бутылке.

А момент тишины просит и мыслей. Время, говорю, щас о-ё-ёй!

ДЕД: Ну, вот и выпьем, чтоб о-ё-ёй не а-я-яй!

СТЁПА: (вскакивает) Да погоди ты, дед, с гражданской пьёшь!

КУЗЬМИЧ: Вишь, как мы нервируемся? И даже молодёжь в лице Стёпки! А всё почему?

ДЕД: Ну?

КУЗЬМИЧ: Скажу без «ну», но образно, чтоб дошло. Отыми титьку у дитя, что он делает?

СТЁПА: Орёт.

КУЗЬМИЧ: А верни обратно?

СТЁПА: Сосёт и молчит.

КУЗЬМИЧ: А нам её вернули, титьку-то? И где ж это она, а? Другие сосут? Так не так? А где ж наша?

СТЁПА: (своим) Во-о! А вы – огурцы!

МИТЬКА: (ему) Тихо, сядь, не кипятись! Не пойму, Кузьмич, про какие ты огурцы... Тьфу, балаболы! Про какие титьки... а-а... Ё-о-о! Про чё ты говоришь-то, не пойму?

КУЗЬМИЧ: (показывает всем галстук) Вот галстук, говорю, с кого?

СТЁПА: Со снежного человека.

КУЗЬМИЧ: А у кого он, этот человек?

СТЁПА: У нас.

КУЗЬМИЧ: У нас! Об чём это говорит?

МИТЬКА: Об чём?

КУЗЬМИЧ: Об том, дорогие мои россияне, что в мутной водице и нам, наконец-то, карась попался! (наполняет рюмки) За карася! За нашего жирного карася!

Все молчат, смотрят на Кузьмича.

СТЁПА: Они ничё не понимают, Егор Кузьмич, ничё!

КУЗЬМИЧ: А ты?

СТЁПА: И я.

КУЗЬМИЧ: А вот Широбоков понял бы сразу! Ну ладно, выпьем пока.

ДЕД: Ну, а я чё говорю?

КУЗЬМИЧ: Широбоковы карасей не упускают. Всех выловили, подлецы!

Пьют, хрустят, закусывая огурцами.

ДЕД: Соньк, огурцы прям сахарные!

СОНЯ: Кушайте, кушайте, ещё принесу.

МИТЬКА: (жуёт) Чё не с перцем? Тоже с перцем и эти.

ДЕД: С перцем, но не продират до...

СОНЯ: (встаёт) Я щас свеженьких подложу.

СТЁПА: Да бляха-муха!... Мы здесь чё, про огурцы собрались или зачем?

СОНЯ: А чего, не надо?

СТЁПА: (опять вскакивает) Не, я так больше не могу! Егор Кузьмич, пойдём на кухню, ну их!

МАНЬКА: Зачем на кухню? Соня сюда огурцы принесёт.

СТЁПА: (хватается за голову) Ну, бля, не могу!

КУЗЬМИЧ: (стучит опять по бутылке) Тихо, тихо, гости дорогие, тихо! Солёные огурцы – это, Стёп, неплохо. Иди, неси, Сонь, иди.

Соня уходит.

Вот я и хочу, чтоб этих огурцов и всякого другого разного у всех у нас в досталь было. У всех, а не только у Широбоковых! Но и в другую сторону взглянуть – мы же не какие-то там... иностранные акулы! Мы же не можем присвоить себе одним нашего снежного человека! Правильно я выражаюсь, нет?

МИТЬКА: Да ты выразиись, чтоб понятней было, Кузьмич! Ни хрена никак не пойму я твоих... карасей!

КУЗЬМИЧ: (тычет в него пальцем) Вот! Вот! То проспали, то просрали! Об чём это говорит?

МАНЬКА: Да об чём же, господи?!

КУЗЬМИЧ: Об том, Манька, что пора поднять свою задницу и пошевелиться, а уж снежный человек своё дело сделает!

Соня приносит миску с огурцами, садится.

МАНЬКА: Сонь, Кузьмич-то... Он чё такое сбуровил?

СОНЯ: Чай, не зря в начальниках ходил.

МАНЬКА: И ты с ним... про задницу-то, согласная?

СОНЯ: На все сто!

МАНЬКА: Батюшки! Да эт как же? чтоб я... Да чтоб я... под этого... под эту волосатую гамадрилу легла?! Митьк, ты... а?

КУЗЬМИЧ: Ф-фу ты, баба! Я за уголь, она за угол! Я об чём? Я об том, что ещё и сам не знаю об чём! Но чую чего-то! А мой нюх меня не подводил, вы знаете! Так не так? Чую: в нём и наш газ, и всякие наши ископаемые!

ДЕД: Да уж, газу-то в нём, поди...

КУЗЬМИЧ: Да, да!.. Эх, скажу напрямки! Снежный человек – это наш...

СТЁПА: (озарено) Титька!

КУЗЬМИЧ: Верно, Степан, верно! Молодец! Вот – молодой, хваткий!

ДЕД: Ну, в титьках-то я и щас не хуже его разберусь.

КУЗЬМИЧ: Ну, это, Сергеич, так сказать, обиняк народной мысли. А вот прямое слово, не люблю я его, не наше какое-то оно, но современное, нынешнее – бизнес!

СТЁПА: Во! Во! А вы всё – огурцы, огурцы!

ДЕД: Кузьмич, скажи этому сопляку, что огурцы хороши. Отменные огурцы!

СОНЯ: Спасибо, Сергеич, кушайте на здоровье, принесу ещё.

МАНЬКА: (чуть не плача) Папань, ты уж меня совсем... А мои что?

МИТЬКА: Брось, мать. Твои не хуже тоже. Я их люблю с перцем-то твоим.

ДЕД: И я люблю... Изжога вот только, будь она неладна!

МАНЬКА: (с плачем встаёт) Эт из-за меня, значит? Щас пойду, всю бочку переверну!

Стёпа выбегает из-за стола, перекрывает дверь.

СТЁПА: Всё-о! Хватит про огурцы! Мамань, сядь! Тётъ Сонь, больше не приноси!

СОНЯ: Просют же, как не принесть?

СТЁПА: (орёт) Не пущу! Никого никуда не пущу!

ДЕД: Чего он взъелся-то? Выпил, што ль?

МИТЬКА: Я ему выпью! Сопли ещё не доросли.

МАНЬКА: Стёпушка, если выпил украдкой, невзначай, закуси, милый.

ДЕД: На!

Протягивает Стёпе большой огурец.

СТЁПА: Тих-ха всем! (хватает огурец и выбрасывает его в окно) Говори, Егор Кузьмич, говори!

КУЗЬМИЧ: Щас, Стёпа, время собирать огурцы, а не разбрасывать. Да, да, собирать! Человек должен жить богато – вот об чём разговор! А чем нам богатеть, когда все караси промеж наших пальцев да в чужие руки угодили? Так не так? И тут вдруг – снежный человек! (почти шёпотом, оглядываясь) Его веками ищут и не находят, а он у нас!! И нам его упустить?... Это ж факт исторического чуда, понимаете?! И оно в нашем свинарнике, чудо-то это!.. Начнут к нам ездить, смотреть... Со всех концов, со всего света! Да мы ж... пупком земли станем!.. (грозит пальцем кому-то за окно) Но теперь уж не за просто так – нет, хватит! – а за деньги! За денежки, господа хорошие!

Взволнованный, разгорячённый ходит вокруг стола, восхищённый Стёпа за ним.

Дома себе построим с унитазами... А кто хочет, ставь два, у кого семья большая... Или три даже, чтоб наши пенсионеры, наши ветераны не чувствовали себя в ущемлении! И сиди себе, Сергеич, без всякой очереди на своём унитазе, изучай прессу, или думай о былом!

МИТЬКА: Ёкарный бабай! А? Во-о! А наделы куда, паи-то наши?

КУЗЬМИЧ: Сдадим в аренду! Или объединимся, купим трактора, комбайны... Дом культуры покрасим-побелим, хор соберём... Ну и паши, сей, гуляй – свобода, ёксель-моксель!

СОНЯ: А Широбоковы?

КУЗЬМИЧ: Да куда ж им будет деться против нашей объединённой мощи? К нам побегут.

Все как-то неуверенно смеются.

ДЕД: А я, вот... всё насчёт этой нашей гамадрилы... Эт мы что ж, зоопарк, что ли, устроим?

КУЗЬМИЧ: Ну, ты тоже, Сергеич, брякнул... в лужу! Он же человек всё-таки, сапиенс какой-нибудь... гомо. Хотя что-то вроде зоопарка и выйдет, но не совсем. Наоборот, я бы сказал – курорт для него с кормёжкой и со всякими услугами. (возбуждённо) Тут и научный интерес, я вам скажу, такой, что... О-о-о! (опять показывает на галстук) Вот галстук его. Об чём он говорит?

МАНЬКА: Ой, да об чём же? Ну, запырял, прям, намёками, Кузьмич!

КУЗЬМИЧ: А своя-то думалка, что, отсохла? Привыкли за спиной у дяди?!

Вешает галстук на гвоздь, внимательно смотрит на каждого по очереди.

Он ведь его не куда-нибудь надел, а на шею. Это ведь через голову. Так не так? Для этого ж мыслить надо, и что характерно, головой! Так кто ж он тогда? (опять почти шёпотом) А если иначе поставить вопрос: а не оттуда откуда (кивает вверх) оно прилетело, существо-то

наше? А галстук – вроде знака нам, как пароль, что, мол, знаю, куда чего и на какое место у вас тут некое отличие вешать, и иду на контакт! А?

СТЁПА: Ё-о-о!

МАНЬКА: И чего ж... они все там такие... страхолюдины?

КУЗЬМИЧ: А американцы тебе каких показывают? В кино? С хоботами да с соплями!

СОНЯ: Действительно! Наш-то супротив ихних модельер. И руки, и ноги, и всё, что мужику полагается.

ДЕД: Э-э... Мерину полагается, да кобыла лягается!

КУЗЬМИЧ: Во-во, у баб только на это дело глаз намётан. А моя мысль склоняется к другому.

СОНЯ: И я про другое, Егор, ты чё?!

КУЗЬМИЧ: Да хоть и про это!.. Если причандалы человеческие, а не какая-то там спиралька с колокольчиками... (наклоняется над столом, тихо) Может, он как раз тот, кого не хватает между обезьяной и мной, человеком?

СТЁПА: Недостажее звено в эволюции?

ДЕД: Вот и мы тоже подумали: галстук как у Кузьмича... может, ты, думали... между обезьяной-то и нами...

МАНЬКА: Думали, один галстук и остался... Как признак того, что был... Нет, глядим, живой.

МИТЬКА: Подумали, в уборную пошёл и...

СТЁПА: При чём здесь уборная?

МИТЬКА: Чего?

СТЁПА: Ну, ты – «пошёл в уборную»?

МИТЬКА: Когда? Кто?

СТЁПА: Ты!

МИТЬКА: Когда я? Эт, вон, мать...

МАНЬКА: Да будя вам за столом про уборную-то!

МИТЬКА: Я про галстук! Про то, что был человек, и нет его! Одна тряпочка от него, как... Для музея только!

СТЁПА: Стоп! Молодец, батя! Му-зе-ий! (Кузьмичу) Прямо в яблочко, да?

КУЗЬМИЧ: Вот она, народная смётка! Не начали, а уже расширяемся!

СТЁПА: (про галстук) И вот те первый экспонат для будущего музея. Ф-фух, во дела! А, Егор Кузьмич? А-а, господа?!.. Ха-ха-ха! И то, что в пакете, в холодильнике у нас – экспонат номер два! А может, даже, номер один?!

КУЗЬМИЧ: Да, Стёпа, да! Часть из пакета отправим в науку для изучения, а часть приберём. Кому что, а нам дивидент! Галстук и кал – это уже музей!

ДЕД: А между имя чего?

КУЗЬМИЧ: Между кем?

ДЕД: Между галстуком и тем, что ка... кал?

СТЁПА: Какой ты тёмный, дед! Между, между!... Потом скелет поставим!

СОНЯ: Ой, господи!

МАНЬКА: Стёпка, обалдуй, за столом ты!

ДЕД: (встаёт, с подозрением) Чей скелет?

КУЗЬМИЧ: Пока подберём, а потом – его личный.

СТЁПА: Зачем мой-то?

КУЗЬМИЧ: Да не твой, а его, снежного, личный.

ДЕД: (всё так же с подозрением) А вот про это «пока»... С кого подберём?

КУЗЬМИЧ: (подмигивает ему) Найдём, Сергеич, найдём. (наливает рюмки) Молодец, Степан, насчёт скелета! Музей растёт! (поднимает свою рюмку) Понятно, куда крен идёт? Ну, так за что пить будем?

ДЕД: Может, за то, что все живы... пока?

МАНЬКА: Да, лишь бы войны не было.

СТЁПА: (радостно смеётся) Ж-живём, маманя! Отец, как – заживём?

МИТЬКА: Ёкарный бабай, ажно жарко!

Смеются, пьют. Степан раздаёт огурцы на закуску, сам весело жуёт.

ДЕД: Пора и петь. (поёт) Фаина, Фай-на-на, Фаина, Фаина, Фай-на-на...

Все подхватывают.

КАРТИНА 5

В доме Ванюшкиных. Входит, громко, весело напевая, энергичный Стёпа. Он тянет провод, устанавливает телефон.

СТЁПА: (поёт) Я люблю-у тебя жи-изнь... (соединяет провода) Вот так! А то – кукушка! Ха-ха, всё – попёрло, откуковали, всё! (поёт) Я люблю тебя снова и снова...

Набирает номер. Входит Манька с трёхлитровой банкой нового рассола.

МАНЬКА: Где дед? Нету? Стёпк, ну-ка ты попробуй.

СТЁПА: Мамань, не отвлекать! (в трубку) Альё-о?

МАНЬКА: (пробует из банки сама) Вроде ничё. Да где дед-то? Стёпк, на, хлебни, про-дискус... просдикути... Да как же её? Попробуй, в общем, чтоб потом не срамили.

СТЁПА: Алё, алё? Анна Гавриловна? (делает несколько глотков из банки) Тьфу ты, бляха-муха! Да ты что? Это ж... это ж... Тьфу! (в трубку) Кому матерюсь? Когда? (Маньке) Это ж соль голимая! (в трубку) Почему повесить? Кто... м-матерюсь? (Маньке) Вырвет щас! Одна соль!

МАНЬКА: А как же ты хотел? В пустой воде, что ль, огурцы солить? «Одна соль»! Не одна! И перцу чуток, и листочки дубовые, и травка всякая, а как же?

СТЁПА: Да мне-то что? Накормила! (слушает трубку) О, отключила. Коммутаторша нашлась!

Входит дед, стонет, охает.

ДЕД: Ох! О-ох! В уборную сходил.

СТЁПА: Поздравляю! (набирает номер) Алё? Анна Гавриловна?

ДЕД: Кто такая Анна Гавриловна?

МАНЬКА: Да Нюрка его, кто!

СТЁПА: Тихо вы! (в трубку) Вы, Анна Гавриловна, если на работе, то... работай, не сачкуй! Трубку мне не отключай! Тут не ваши игрушки!

ДЕД: Мань, рассольчику-бы, похмелка съедат... Тошнит в обои стороны!

СТЁПА: (в трубку) Гуляешь и гуляй, хоть до утра, хоть до обеда! Плавай на лодочке со всякими... А на работе, чтоб как огурчик! Чтоб людям угождала! Да, и мне! Чего? Ты со своим Широбоковым так разговаривай, а нам здесь некогда смехуё... то есть, посмехушками заниматься.

МАНЬКА: (даёт банку деду) На, пробуй заодно.

СТЁПА: (в трубку) Дай, говорю, три сорок два, квартиру Большакова Егора Кузьмича!

ДЕД: (пьёт из банки и тут же орёт) О-о-о-о!... Манька, суп те в нос!... Чего подсунула, зараза?!

МАНЬКА: Всё, как положено по рецепту!.. И нечего язык чесать в гостях!

СТЁПА: (смеётся) Эт те не водка, дед, много не выпьешь.

ДЕД: Ой, живот! Ой, схватило опять! И так огурцы в штанах, а ты ещё добавила... О-о-ой!

Выбегает во двор.

СТЁПА: (в трубку) Егор Кузьмич? Ха-ха-ха... Егор Кузьмич, Степан на проводе.

МАНЬКА: В общем, как солила, так и буду солить. И не хуже чем у кого!

Уходит.

СТЁПА: (по телефону) Рапортую! Свиноарник мы с отцом почистили, и свиноматку помыли, даже с порошком.. Да, сосёт и, кажись, повеселей становится. Даже подмигивает, кажись. Всё идёт, как надо, Егор Кузьмич. А народу-у! Егор Кузьмич, Егор Кузьмич, слушай!.. Наши все подходят, спрашивают чё да как —я молчу. Как? Ухо остро? Нос по ветру? Держим!

Входит дед.

ДЕД: Ох... Ох, опять сходил на двор. Ещё так раза два и могёте... мой скелет в музей забирать. Фух!

Идёт за печь.

СТЁПА: (по телефону) Часть кала я посылкой отправил в Академию Наук, Егор Кузьмич, а остальная порция в погребе. Обратный адрес ваш написал для солидности. Ждите. Из Академии. Да, конечно, не хухры-мухры!

Слышен какой-то грохот и крик Маньки.

ДЕД: (высовывается из-за печи) Манька, поди, в погреб слетела

МАНЬКА: (крик) Ой, батюшки мои! Пропади всё пропадом, издеватели!

СТЁПА: Да, нервы напряжены, это заметно, Егор Кузьмич. Вон и мамка в погреб грохнулась. Всё не вовремя! Ага, отбой.

Кладёт трубку, уходит.

КАРТИНА 6

В доме Большаковых. Нарядная Соня сидит за столом, на котором стоят четыре телефона. Егор Кузьмич, прохаживаясь, экзаменует её.

КУЗЬМИЧ: Так что соображай, за всё сразу не хватайся, эт тебе не сковороды-кастрюли. Давай повторим. (на телефоны) Этот местный, этот – район, этот – область.

СОНЯ: А этот белый?

КУЗЬМИЧ: Этот пока не подключён.

СОНЯ: А куда он?

КУЗЬМИЧ: Туда, куда надо, Сонь. С гербом. Непонятно? Телефон «Х». (уверенно) Подключат! Вся страна подключится! Ты пока не отвлекайся. (неожиданно, резко) Звонит область!

Соня хватается трубку телефона.

СОНЯ: Ой! Ну... Контора слушает!

КУЗЬМИЧ: Трррр!.. Какая контора? Ты кончай с этой сельской старинкой! Не контора, а... Офис! Они уж и не поймут твой ответ, что за «контора» такая. А если этот белый, то вообще... Кхе, кхе... Ну-ка, белый звонит!

СОНЯ: (хватает трубку белого телефона) Алёу!? Офу... Фофу... Тьфу, в манду его! Кузьмич... слушаем!

КУЗЬМИЧ: Э-э, фефёла слушает! А ногти-то, ногти! Под ногтями – навоз с чернозёмом! Ну, как с такими ногтями за белый телефон?!

Входит Митька.

(ему) А мы тут работаем... Входим в курс... Осваиваем.

МИТЬКА: Егор Кузьмич, народ волнуется. Чё он, говорят, нашу свиноматку-то сосёт.

КУЗЬМИЧ: А чья она, свинья-то?

МИТЬКА: Пока не знай чья. Поросят роздали при делёжке, всех тринадцать, а она осталась.

КУЗЬМИЧ: А её чего ж не роздали?

МИТЬКА: А как её раздашь? Она одна, а дворов, вон, всего двенадцать.

КУЗЬМИЧ: Тэ-эк! А кому ж тогда лишний поросёнок попал, тринадцатый? Ширококовым?

МИТЬКА: Им, кому ж.

КУЗЬМИЧ: И вот это народ не волнует?!

Грозно стучит пальцем по столу.

Свинья пока общая! Так что он не чью-нибудь, а народную матку сосёт!

Вбегает Стёпа.

СТЁПА: Егор Кузьмич, или бунт, или я не знаю что!

СОНЯ: (вскакивает) Ой батюшки, бунт, а я с губами крашеными!

Уходит. Кузьмич начальственно и гневно нависает над столом.

КУЗЬМИЧ: Кто-о-о!

СТЁПА: Мамка в погреб навернулась, прям в бочку с огурцами... У деда понос от этих огурцов... А тут тёть Лиза к нам с поросёнком! Я мамку из бочки тяну, спасаю, а тёть Лиза: «Убирайте этого волосатого сосуна от свиноматки и всё!» Мамка огурцы глотает...

КУЗЬМИЧ: Тпр-ру, Стёпа, тпр-ру!.. Чего? Мамка бунтует? Залезла в бочку с огурцами и требует, чтоб убрали от свиньи нашего снежного?

СТЁПА: Да не-ет, почему? Тёть Лиза говорит, мол, убирайте! Мы, говорит, будем горбатиться, поросят растить, а вы, говорит, на своём чучеле наживаться будете! Мы, говорит, тоже хотим! А поросят, говорит, сдаём на хрен!

КУЗЬМИЧ: Кто это «мы»?

СТЁПА: Тёть Сима ещё в дверь заглядывала... И землю, кричит, на хрен!

МИТЬКА: А мать-то что? Ей солёного много нельзя, а она огурцы глотает?

СТЁПА: Вот про мамку не знаю. Я ж к телефону сразу! Деду кричу: бери, мол, ружьё и дуй охранять! Он бегом, а у него понос, ноги не поднимаются... Шнур телефонный оборвал! Ну, я сюда!

КУЗЬМИЧ: Молодец, оперативно! Та-ак! (подумав) Перевести его в бывший сельсовет... Снять пломбу, распечатать и перевести! Там (тычет пальцем вверх) дадут «добро», они в курсе!

СТЁПА: Во! И бабы кричали: раз полезная, мол, тварь, в сельсовет его!

МИТЬКА: Да эти бабы... Я вот чё ещё. Кузьмич... Надо как-то... Зырят они на него, бабы-то, как на... Он же голый, а волосьями не прикроешь... (понятный жест) Лезут, потрогать мол... А сами норовят... Аж дрожат и потеют!

Входит переодетая Соня.

СОНЯ: Ой! Игривай?

КУЗЬМИЧ: Ну, ты! (хмуро) Найти ему штаны, чтоб бабы не волновались.

МИТЬКА: Не найдём. Не, не найдём.

КУЗЬМИЧ: И с Волошина не подойдут?

СТЁПА: Х-ха, на трусы если!

СОНЯ: (мечтательно) Поглядеть бы!

КУЗЬМИЧ: Н-ну, не нагладелась? Значит так: всю волосастость сбрить, оставить только... (считает в уме) в двух местах, как положено.

СТЁПА: (тоже считает) В трёх.

КУЗЬМИЧ: В двух. Я подмышки одним местом считаю.

МИТЬКА: А грудь?

КУЗЬМИЧ: Тьфу ты, абориген хренов, оброс как... баран-меринос! В общем, оставить, где надо для естественности. И в штаны его, хватит сверкать!

СОНЯ: А бывают и на спине.

КУЗЬМИЧ: А тебя не спрашивают! Специалистка! (чесет об угол спину) Так. Обстоятельства поджимают. Подключаем народ! (Стёпе) Иди, пиши объявление на собрание. (Митьке) Вытаскивай Маньку из бочки, бухгалтером будет. Начнём процветать!

Уходят.

КАРТИНА 7

Стол президиума в клубе. В центре, при галстуке и в шляпе, Егор Кузьмич, с боков от него – накрашенная, завитая Соня и нарядная, но с забинтованной головой и синяком Под глазом, Манька. Рядом с ней сидят праздничный Митька и, «под крутого», Стёпа. На отдельной табуретке, чуть впереди, но с краю, в орденах и медалях, Дед с ружьём.

СТЁПА: (встаёт) Слово имеет Егор Кузьмич Большаков.

Кузьмич идёт к трибуне.

КУЗЬМИЧ: Дорогие земляки! Сограждане! Кха, кха... Собрались мы тут добровольно... (Стёпе) Ты в объявлении «добровольно» писал, или как?

СТЁПА: «Добровольно», а как же?!

КУЗЬМИЧ: (продолжает речь) Собрались мы добровольно и сознательно. Так не так? Кто неосознательный, пусть выходит отсюда и пусть остаётся в недавнем прошлом. Нету таких? Или есть, внутри, так сказать? Это, конечно, трудно, я даже больше скажу, тяжело каждодневно переделывать свою внутреннюю психику на новый лад. Но надо! И тут уже есть большие, замечательные местные примеры!

Показывает на президиум. Дед машет в зал рукой.

ДЕД: Давайте к нам, вдосталь и огурцов солёных, и ещё кой-чего-нибудь, чего не было, будет!

КУЗЬМИЧ: (ему) Все прения потом. (в зал) Мы, конечно, обо всём поговорим, душевно и без обид. Но сейчас я бы хотел... Да чего тут говорить! (Маньке и Соне) Марья Тимофевна и ты, Соньк... То есть, Софья Артуровна, чего там у вас? Какой народный сюрприз?

Манька с Соней идут за кулисы и выносят на подносе жареного поросёнка, обложенного солёными огурцами. Ставят на стол.

Во-от! От нашего имени... и от вашего... В общем, от нас с вами, дорогие соотечественники, маленький подарочек на ужин тому, с кем мы будем, не побоюсь этого слова, богатеть и, я бы сказал больше, процветать в текущей мимо нас жизни!

Все аплодируют.

ВТОРОЙ АКТ

КАРТИНА 8

В доме Егора Кузьмича. За столом с телефонами дремлет Соня. Телефоны звонят.

СОНЯ: (просыпается) Заразы! Как же быть-то? Все трещат!

Снимает трубки по очереди.

Алё? Алё? Алё? Офис Егора Кузьмича Большакова! Офис Егора Кузьмича Большакова! Офис Егора Кузьмича Большакова! Слушаем!

В дверях появляется скелет. Соня с криком «Милиция!» падает под стол. Входит Стёпа, вносит скелет.

СТЁПА: Зачем милицию-то? Я же не украл. В школе договорился на время, пока каникулы. (оглядывает комнату) Тётъ Сонь, ты где кричала-то? Тут, вон, разоряются... (берёт трубку) Алё-о? А, это ты, мам... Чего? Последний поросёнок? Во, аппетит! Ну, что ж делать, оприходуй и сдавай на жарёху. Только веди учёт. (берёт другую трубку) Алё? Алё, кто? А-а, Берёзово! Да, да, не беспокойтесь, вы уже тоже причислены. Да, и вы, и Малое Перекопное. Соседи, что ж! Всем миром поработаем на него, зато потом проживём! Привет Кузьмичу передам. (берёт третью трубку) Офис Егора Кузьмича на проводе. А? Да он у вас где-то, в области, комиссаром... а-а... эмиссаром. Кто я? Бизнесмен и одновременно научный сотрудник по проблеме Степан Дмитрич Ванюшкин. Сам Кузьмич сегодня должен прибыть, да. Что,

не расслышал? Да вы что?! Вот это да! Появляются повсеместно? Да не может быть! О-го-го! Передам конечно. Да, да, так и передам, что наконец, мол, можно порадоваться за страну... Дословно отпартирую, как вы сказали! Ало?.. Повесил... (кладёт трубку) Етишкина мама! Везде! Но у нас-то первой всех!... Да и до таких наших идей им не дотумкать! (целует череп) Так, куда бы тебя пристроить, чтоб не... не обидели... Поскучай-ка пока тут.

Ставит скелет к вешалке, накидывает на него плащ, шляпу, отворачивает к стене. Уходит. Снова трещат телефоны. Очнувшаяся Соня поднимается из-за стола.

СОНЯ: Ох, батюшки... Эт кто ж заглядывал? (на телефоны) Трещат и трещат, голова, прям, раскалывается... И не то ещё померещится... Танцуй тут перед ними! В уборную не сходишь...

Видит «стоящего» у вешалки.

Егор? Не ты заглядывал? Ты когда приехал-то? Слушай сам свои звенелки, а я хоть на двор сбегаю! Чего молчишь-то? Иль пьяный?

Подходит. Поворачивает к себе скелет и опять с криком падает вместе с ним на пол. Входит Егор Кузьмич, видит лежащих.

КУЗЬМИЧ: Та-ак! Работа стоит, а она лежит! И с кем? Мы страну перелопачиваем, с ног на голову ста... то есть, с головы на ноги ставим, а тут... Хороша секретарша!

СОНЯ: (садится на полу) Егор, я думала... это ты.

КУЗЬМИЧ: Похож. Сильно. Заездила мужика до скелетства. Чей такой?

Входит Митька.

МИТЬКА: С приездом, Егор Кузьмич! Тут у нас полный порядок.

КУЗЬМИЧ: Да вижу! (на скелет) Чей эт ходок-то?

МИТЬКА: А-а, школьное пособие. Временный скелет, Стёпка в школе занял. Охламон, принёс и бросил посредине!

Ставит скелет на прежнее место.

КУЗЬМИЧ: Не мелковат будет? А то не поверят. (смущённо) Соня, вон, сомневается, легла рядом, ростом помериться. Ну, померилась? Вставай, некогда!

Соня встаёт.

СОНЯ: Я отлучусь.

КУЗЬМИЧ: Погоди, не до этого. Дел неупрочорот. Страна кипит!

СОНЯ: Дак и я взорвусь! Нужда – дело тоже государственное!

Убегает.

КУЗЬМИЧ: Это да-а! (Митьке) Докладывай.

МИТЬКА: Коттедж ему готов. Деревянный, крепкий, бывшие детясли. Побелили, покрасили, всё чин-чинарём! Два этажа – есть где людей принять. Шас он в бане.

КУЗЬМИЧ: Кто с ним?

МИТЬКА: Батю отправили. Батя даст ему прочихаться, он на это силён!

Входит дед. Он в шапке, в рукавицах, закутанный в простыню и с веником. Валится на лавку у входа, тяжело дышит.

ДЕД: Загонял в доску, стервец! Я по нему раз сто прошёлся, а он только крикает... Задавил паром, думал помру... А тут мимо Нюрка... да, вон, Стёпкина девка... Да ну шла мимо! Он её в окошке увидал, да как заорёт: «Бабу бы! Бабу бы!»

Входит Соня.

СОНЯ: Кому-у, старый ты хрен?!

КУЗЬМИЧ, МИТЬКА: Кто... орёт ... «бабу»?

ДЕД: Этот, гаманоид наш снежный.

КУЗЬМИЧ: Может, бу-бу-бу? Пузыри пускал... мыльные?

ДЕД: Нет, «бабу», не глухой.

МИТЬКА: А может, знакомился – бабуин, мол?

ДЕД: Да «бабу», суп те в нос! Я еле вырвался и сбёг... Всё, меняйте меня, сдаюсь! (на скелет) Хыть он пусть идёт, ему легче, не вспотеет.

КУЗЬМИЧ: (взволнованно, горячо) Заговорил! А?! Заговорил!!!

МИТЬКА: Вот те хрен, я бы сказал!

СОНЯ: А бабу-то... и скрёбся чего-то... Может, намекает... для массажу?

ДЕД: Ага, для массажу... Приходи, чё покажу, в огороде засажу!

СОНЯ: Тьфу, охальник!

КУЗЬМИЧ: Вот именно, про огород-то! Ты, вон, даже на скелета залезла... Шутю. Но, главное, заговорил! Митьк, а? Да?

МИТЬКА: Я и говорю – вот те хрен!

Кузьмич ходит по комнате, он взволнован, возбуждён.

КУЗЬМИЧ: Это чудо... в нашей стране... это... И мы с вами первачи! А? Так не так? Недостающее звено, оно ж везде... А у нас бабу просит! Это ж перескок через время! Это подвиг! Наш с вами подвиг!

МИТЬКА: Стёпка говорит, звонили, и в других местах, мол, объявились.

КУЗЬМИЧ: Знаю. А теперь мы опять вырвались – заговорил-то только у нас!

ДЕД: Дык как с бабой-то? Он там ждёт.

СОНЯ: Да ну и чего? Пошоркать ему и...

КУЗЬМИЧ: Ты, Сонь, это... Ты иди!... Иди, глянь огурцы новые не вспучились? Ступай, ступай.

СОНЯ: Слава богу, хоть делом займусь.

Уходит.

МИТЬКА: Кого пошлём в баню вместо деда?

КУЗЬМИЧ: (хмуро) Вот Нюрку и пошлём.

ДЕД: Стёпка запереживает. Любовь у них.

КУЗЬМИЧ: Тогда пусть сам и идёт!

МИТЬКА: Дак... как?

КУЗЬМИЧ: (оживляется) А чего? Стоп, стоп!.. Нарядим бабой, подкрасим... А? Может, тот не допетрит, дикий же?! Думаю, это варьянт!

Входит довольный, радостный Стёпа.

СТЁПА: О кей!... Ой, то есть, хау дую ду?

Все странно смотрят на него.

КАРТИНА 9

В доме Ванюшкиных. За столом сидят хмурые дед и Митька. Перед ними стоит невестельный Стёпа в женской одежде. Манька, вся в слезах, приносит колготки.

МАНЬКА: Вот колготки, Стёп, мои, праздничные. Дырка маленькая, под юбкой не видать.

Стёпа садится на табуретку, с трудом натягивает колготки.

МИТЬКА: Правильно, и ноги не брить... А то вдруг рукой полезет, гад!

СТЁПА: (возмущённо) Ку-уды-ы полезет?

ДЕД: Туды, куды! Куда ты к Нюрке лазишь!

МАНЬКА: А ты уворачивайся, сынок, не давайся. Спину ему пошоркаешь, помастажируешь и бегом оттудова.

МИТЬКА: Правильно. Не баба же, чтоб задом перед всяким вертеть! А то, и правда, Нюрку послать, а? Стёпк, а?

СТЁПА: Н-ну, не-ет!

Решиительно встаёт. Манька одёргивает ему юбку..

МАНЬКА: Не коротка?

ДЕД: По моде. Ты гляди, сделать завивку и замуж можно!

МАНЬКА: Платок оденет. Сожми губы, накрасу.

Красит Стёпе губы, надевает на него платок.

МИТЬКА: Ну-к, пройдишь туда-сюда

Стёпа проходит

ДЕД: Я б с ходу влюбился!

Звонит телефон. Стёпа берёт трубку.

СТЁПА: Квартира Ванюшкиных. Ничего живу. Да, всё лучше и лучше. А мне теперь без разницы, гуляешь ты со своим Широбоковым или нет!

МАНЬКА: (шёпотом) Нюрка, сучка такая!

СТЁПА: (по телефону) Кто, я? Страдаю? Очень даже прекрасно себя самоочувствую! Нам, Анна Гавриловна, некогда щас страдать. И вообще, я тебе не баба, чтоб страдать!

Кладёт трубку.

МАНЬКА: Правильно, сынок!

МИТЬКА: Вот её бы в баню-то!

СТЁПА: (твёрдо, но со слезой) Нет, отец! Государственное дело не бабское! Не осилит! Сделать вот такой переворот в мозгах и везде трудно, но необходимо! Лишь бы нам не мешали! И мы пройдем его до конца!

В дверях Егор Кузьмич.

КУЗЬМИЧ: Замечательно, Степан Дмитрич! Тяжёл и, я бы сказал, опасен твой путь, но я вижу, ты готов к нему на все сто! Хвалю, Стёпа!

Жмёт ему руку, обнимает и крепко целует в губы.

Терпи, казак, атаманшей будешь!... Кха, то есть, как там?... Ну, в общем, да!

Манька вопит, повисает на Стёпе.

МАНЬКА: Не пушу-у! Ой, сынок... Не пушу-у-у!

ДЕД: Цыц, Манька! Это ж... живой подвиг!

Все встают, замирают, с восхищением и страхом глядят на Стёпу., тот машинально отдаёт честь.

КУЗЬМИЧ: Присядем на дорожку.

СТЁПА: Да чего тут... двадцать метров...

ДЕД: Зато путь-то какой!

Садятся, молчат. Дед тихо запекает.

Дан приказ ему на запад, ей в другую... Эх-х!

МИТЬКА: А я бы даже выпил за такое! Какого хрена на сухую-то провожаем?

КУЗЬМИЧ: Предложение дельное.

МАНЬКА: А я вам огурчиков солёненьких, на закусь-то.

ДЕД: Ох-ёх, суп те в нос! О-о-о...

Ревёт, схватившись за живот, и выбегает из дому.

КАРТИНА 10

В доме Егора Кузьмича. У стола, на котором трезвонят телефоны, сидит Соня с подушкой в руках. В углу, всё так же в плаще и шляпе, стоит скелет.

СОНЯ: «Сиди на телефонах!» и пропал. Посидишь тут... Как с цепи все сорвались!... Сиди!.. А и сяду, дура душой!..

Накрывает телефоны подушкой, садится на неё. Смеётся.

Все одурели и я туда же... Господи, чего не сделаешь ради новой жизни?! Не только зад подставишь, а и... Окурил, что ль, кто нас, беленой какой? (на скелет) И этот стоит, щерится! Чего щеришься? Гляди в отставку отправим! У нас таких, как ты, два села под нами и полсела

на подходе туда же, выбирай любого!.. Ой, вся задница онемела... Ну, пошутила и будя... Послушать, мож, чё важное...

Намеревается слезть, телефоны стихают. Входит дед Никита с ружьём.

ДЕД: Чего, яйца, что ль, высиживаешь?

СОНЯ: А ты чего с ружьём шляешься?

ДЕД: Я на службе.

СОНЯ: А я просто так, да?

ДЕД: А-а... Ну, сиди. (на скелет) И этот начеку. Хе-хе-хе... А куда народ-то весь смигнул?

СОНЯ: Сам-от в галстук оделся и бегом...

ДЕД: В туалет?

СОНЯ: Кто его знает? Сиди, говорит, на телефонах... Час сижу!

ДЕД: Ну, значит, в туалет.

СОНЯ: Почему это?

ДЕД: Сама сказала: оделся в галстук и...

СОНЯ: А при чём здесь туалет?

ДЕД: Ну так, в галстук ж. Манька говорила: Кузьмич, мол, в галстук и в уборную ходит.

СОНЯ: Ну?

ДЕД: Чего «ну»?

СОНЯ: Уборная-то где?

ДЕД: О, ё-о, чего? Как где?

СОНЯ: То есть, тьфу, Егор где?

ДЕД: В уборной, поди.

СОНЯ: Почему?

ДЕД: (разозлившись) Да едрит тя в поперечину, Соньк! Ты же сама сказала: оделся в галстук и бегом в уборную!

СОНЯ: Кто?

ДЕД: (снимает с плеча ружьё) Я тя шас пристрелю! Сидишь тут кукушкой на столе и ни хрена... ни эта... никакого... Кто где, говори?!

СОНЯ: (спрыгивает со стола) Ой, Сергеич, всё скажу, не стреляй!

ДЕД: (наставляет ружьё) Ну, говори!

СОНЯ: Скажу, скажу... (поднимает вверх руки) Сдаюсь! Ничего я не знаю, дядь Никит, ей-богу!

Резкий звонок телефона, дед от неожиданности стреляет, белый телефонный аппарат разлетается вдребезги. Скелет падает.

Ой, скелета убили!

Испуганная Соня убегает.

ДЕД: Ё-п-р-с-т, война что ль?

Прячется под стол. Вбегает растрёпанный, в изодранной женской одежде, с шишками на лбу и синяками на лице, Стёпа. Он возбуждён, глаза его горят. За ним вваливается запыхавшаяся Манька. Она тут же оседает на скамейку у порога.

СТЁПА: (сверкает глазами, кричит) Егор Кузьмич!.. Егор Кузьмич!..

ДЕД: (из-под стола) Чего, окружают? Манька, отойди от дверей, я жажну!

МАНЬКА: Погоди... отдышусь... Стёп, ты чего... из бани... в степь-то рванул чего? Еле попевала...

СТЁПА: От радости, мам! От счастья... полноты!.. Егор Кузьмич?!

Подбегает к лежащему скелету, поднимает нго.

Да не изводите себя так... Бледный-то какой! Всё о кей!

МАНЬКА: (с испугом) Стёпка, охолонись, не он это!

СТЁПА: А? (видит, что ошибся) А-а! А-ха-ха-ха...

Хохочет, как сумасшедший. Дед поднимается с пола. Манька подходит к Стёпе, бьёт его по щекам, подвываает.

МАНЬКА: Ы-ы... Ну, ну, сынок... Ы-ы-ы... Ну-у! Папаны, он чего? По.. по... помещался, что ль? (трясёт, грозит кулаками) Ах ты... баб... бабуин проклятый!

ДЕД: Клины клином надо... На испуг!

Стреляет в окно. Стёпа сразу замолкает.

СТЁПА: Ты чё это, дед, расстрелялся? И где Егор Кузьмич-то?

МАНЬКА: Они с отцом... этого... твоего ухажёра домой повели, в коттедж. Под ручку его, а он, как хозяин!

СТЁПА: (опять возбуждается) А он и есть хозяин! Так изменить... ну, в будущем... нашу жизнь! Да, дед? Не ку-ку кукушки, а компьютеры да человеческими голосами говорить время будут! Ты лежишь, а тебе: «Просыпайтесь, Степан Дмитрич! Прошёл ли понос с огурцов?» И в морду тебе кофю – на, попей!

ДЕД: То-то, я гляжу, у тебя вся морда синяя и в шишках.

СТЁПА: А? Это я в шайку нырял. Он налёт воды, а я с полков прыгаю... Развлекал!

МАНЬКА: Ой батюшки, и вправду прыгал?

СТЁПА: Ещё как! Русалкой! И все прыгнем, если надо! И дед сиганёт, он побольше нашего натерпелся! Да, дед?

ДЕД: (уклончиво) Скларос у меня... Нельзя, чтоб больно... башке-то...

Входят Егор Кузьмич, Соня и Митька. Стёпа вытягивается перед Кузьмичом, рапортует тихо и торжественно.

СТЁПА: Егор Кузьмич, заявляю: ничего человеческого ему не чуждо. Всё, как по Дарвину – эволюция! Я купальщицей был, ныряльщицей, ему так всё нравилось – в ладоши хлопал, как человек, даже поцеловал взапас! Я как в тумане весь... Это какое-то... такое... такое... аж!

МИТЬКА: (неожиданно, патриотично поёт) Эх, хорошо в стране Советской жить!.. Эх, хорошо страну свою любить!.. (обнимает Стёпу) Я верил в тебя, сынок!

СТЁПА: Подфартило, батя! (Кузьмичу) Я думаю, обобщим все научные наблюдения и – в Академию! А тут пора... Пол в музей покрасили, высох! Так что пора...

КУЗЬМИЧ: Спасибо, боец... нового этапа... Реформатор!

Трижды целует Стёпу, обнимает всех по очереди.

Благодарность всем, не побоюсь этого слова, соратники! (Стёпе) А не рано ли, так сказать, продаваться?

СТЁПА: Нет! Вон уже сколько накопилось: галстук, скелет, речь члена... эта... раздельная, кал, хоть и до боли знакомый, но... И, блин, опять же, тяга к бабам...

КУЗЬМИЧ: У-у, охренительно! Пора! Кровь из носу, а музей открыть!

Поправляет на скелете шляпу.

И шляпу свою дарю, она тоже героическая! Я её на шоссе нашёл, может, с него и сдуло?

МИТЬКА: О. как вылитый американец получается!

СОНЯ: А может, они с какого самолёта повыпадали?

МАНЬКА: Так если их выронили, чего ж не хватились-то?

КУЗЬМИЧ: Нет, это наши, свои. В Америке таких нет, а то сообщили б.

ДЕД: Куды Америке-то? У них там негры да секс!

Радостно смеются.

СТЁПА: Да на нас вся Америка будет приезжать глазеть!

ДЕД: Токо не задарма, за свои рубли!

СТЁПА: А как же, за доллары! Всё, кончился бесплатный зоопарк!

МАНЬКА: Правильно, сынок! Теперь будет платный!

КУЗЬМИЧ: А уже попёрли. Цельный автобус прикатывал посмотреть наше русское чудо!

Помолчали, очарованные словами «русское чудо».

Степан Дмитрич, Академия как, молчит?

СТЁПА: Пока тихо.

Раздаются какие-то громкие хлопки. Все прислушиваются.

СОНЯ: (догадывается) Банки стрельнули. Первый раз по-новому засолила огурцы, будь они неладны!

КУЗЬМИЧ: Вот что творится! Трудно приживается новое, ох как трудно! Ну-ка, Соня, неси самогону, пока взрывные огурцы не скисли!

Соня идёт за самогоном и огурцами.

КАРТИНА 11

В доме Ванюшкиных. Света нет. Три сигаретных огонька плавают в темноте. Нетрезвые голоса.

СТЁПА: Взяли моду... Людям работать не дают.

ДЕД: Манька, копилку давай, не видать, промахнёмся!

МАНЬКА: Ищу!

СТЁПА: А у Широбокова свет всю буздырит!

ДЕД: Да этот и из веретена ток достанет.

МИТЬКА: У него движок свой, я налаживал. От него и к нашему примату концы подбросил на такой случай, Кузьмич договорился. В долг.

ДЕД: Кабы не снюхались.

СТЁПА: О, о! И у него, у нашего, загорелось. Ничего, ничего, дед, отдадим все долги. А лишать удобств его нельзя! Он только-только прикипает к нашей цивилизации, и сразу без света, да? Не-е, так и спугнуть можно. Щас мы для него, а завтра... Вот провода в Берёзове срезали, сдали в скупку – ему костюмы накупили, срезали в Малом Перекопном – сауну в коттедже заканчиваем. Попросил. И правильно, чё баня-то? Расти надо!

МИТЬКА: Отстаёшь, батя! Мы и свиноматку свою последнюю не просто так, на сало-мясо, пустили, а на беконы с рульками.

ДЕД: Всю свинью на какую-то срульку? Не пойму... в темноте-то. Манька?!

МАНЬКА: Да иду, несу!

Звонит телефон.

ДЕД: Чудно! Света нет, а он звонит? Может, в ухе?

СТЁПА: Ага, у всех сразу. Мам?

МАНЬКА: Иду, говорю.

СТЁПА: Ты рядом, сыми трубку, кто там, чего?

Телефон звонит.

МАНЬКА: Да иду, иду, сверчишь тут!

Чиркает спичкой, зажигает лампу. Дед. Митька и Стёпа сидят за столом. У каждого в руках по стакану самогона и по солёному огурцу. Телефон звонит.

МИТЬКА: Мань, ну чё телишься? Щас те не прежде чё! (деду, Стёпе) Давайте, а то не успеем. Звонок какой-то резкий!

Чокаются, пьют. Манька поднимает трубку.

МАНЬКА: (в трубку) Манька слушает!

СТЁПА: Ну, ты даёшь, мамань, «Манька»... Никакой культуры! (берёт у неё трубку) Стёпка слушает! То есть, ф-фу, блин! М-мы слушаем! Ах, Анна Гавриловна! Как «чем занимаемся»? Думаем про проблемы. Да, решительно решаем. И ты решила? Что? Замуж? За... за... (всхлипывает) Кто хнычет? Эт я смеюсь, ты чё?! Мы вышли на такую генеральную прямую... Везде у нас всё о кей и лады... Смеёмся, поём... Дед, давай!

ДЕД: (поёт в трубку) Фаина, фай-на-на, Фаина, Фаина, Фай-на-на...

Все пристраиваются к нему, подтягивают.

СТЁПА: Слышала? Мне по барабану! Да у меня такие деньги только на мелкие расходы во всех карманах будут лежать! Так что спокойной ночи, мадам будущая Широбокова!

Кладёт трубку, закрывает лицо руками.

МАНЬКА: (гладит его, вздыхает) Ну, где богаче, там и слаще.

МИТЬКА: А где сладко, там и мухи.

ДЕД: А где мухи, там и дерьмо! И чего об ём горевать?

Молчат.

МИТЬКА: (вдруг, громко) Где топор? Ещё какой-то Шир... шир...

Уходит в темноту, возвращается с топором.

Я ему свой пай продал, я его и верну! У меня сын, вон... герой! И отец – герой! И я, вон... как... этот... И мать... вся, вон... тоже... Порублю!

СТЁПА: (перехватывает его) Нет, отец! (пьяно, но чётко) Этот... это не он! Потому что он – это не этот! Понял? Он не он, понял? Тьфу на него, понял?

МИТЬКА: Понял! Выпьем за его здоровье!

Бросает топор, наполняет самогоном стаканы. Все выпивают. Звонит телефон. Стёпа берёт трубку.

СТЁПА: Бизнесмен Степан Ванюшкин на проводе! (слушает) Та-а-ак! Вот об этом и надо было говорить сразу, а то развела!.. Теперь кусай локти, если достанешь, мадам!

Кладёт трубку, и тут же включается свет.

О. свет, это знак!.. Одеваемся!.. (взволнованно) Отец, беги к рельсе, стучи, созывай народ! Телеграмма из Академии Наук пришла!

Падает в обморок.

КАРТИНА 12

Стол президиума, за которым сидят нарядные Кузьмич, Соня, Митька, Стёпа, Манька. Чуть сбоку, как на часах, стоит с ружьём нарядный Дед. На столе бутылки, закуска.

КУЗЬМИЧ: (поднимается) Кха, кха... Земляки! С-сограждане... Соотечественники! Вот мы и, можно сказать, дожили до... Момент такой настал, что... Кха, кха... Гляжу на вас, как на... Кха... И теперь, куда не клин... то есть, куда ни... Волнуюсь я как-то...

ДЕД: А ты завали стакашку, да и наш огурчик туда же! И петухом запоёшь, ей-богу!

МАНЬКА: (тихо) Папань, ты чё? Люди же!

ДЕД: (тихо, ей) Пропагандирую твои огурчики, удались на славу! Брось-ка один, помуржу.

Манька бросает ему огурец.

МИТЬКА: (шёпотом) Токо жопки горькие, а так...

МАНЬКА: (с криком вскакивает) И ничего подобного!

КУЗЬМИЧ: Тихо, тихо, Марья Алексевна!

МАНЬКА: А чего он – «жопки горькие»?! И неправда! Эт смотря с какого конца кусать?! (спохватывается) Ой, извините, граждане-соотечественники, за возмущение!

СОНЯ: А чего извиняться? И у них такие же.

КУЗЬМИЧ: Тих-ха! Я говорил, что и солёных огурцов будет вдосталь, и чего другого разного тоже? Ну? (показывает на стол) Вот и начало... Раньше – одна скатерть да чернильница, а теперь? Чуете разворот? Спасибо, конечно, Егору Широбокову, тёзке моему, Тимурьчу... он в это дело вложил... А мы свой труд вкладываем, больше нам пока нечего, так не так? Но, главное, спасибо тому, кто дал вот этот толчок к процветанию!

СТЁПА: (горячо) И мы не собираемся засиживаться на этом... на толчке!

Мигает лампочка.

ДЕД: Может, «ура» крикнуть, а то не успеем?

Все смотрят на потолок, где лампочка.

КУЗЬМИЧ: Погоди, Сергеич, авось устоит.

Лампочка перестаёт мигать.

Я не буду вокруг да около, я сразу. Сейчас к нам должен... Перед тем, как... туда, в высокие эшелоны... чтоб оттуда перевернуть на нас рог изобилия... Придёт шас... Егор Тимурыч подвезёт... (деду) Смотри в оба, Сергеич, головой отвечаешь, чтоб никто не покусился!

ДЕД: Не бойсь, Кузьмич. Потихоньку огурец дохрумтю и возьму на изготовку.

КУЗЬМИЧ: Ну, хрумти, у нас же демократия. А пока слово для зачтения ответа из Академии Наук имеет Степан Дмитрич Ванюшкин. Давай, Стёп, к трибуне.

Стёпа выходит к трибуне, разворачивает листок.

СТЁПА: (волнуется, запинаясь) Теле... фоно... телеграмма ночная... Срочная, значит, важная... раз даже ночью... Мы её не читали, терпели, чтоб вместе... мы ж вместе же... в одном деле мы... все...

Мигает лампочка, все смотрят на неё.

ДЕД: Нутром чую – диверсия, токо не пойму чья!

Лампочка перестаёт мигать. Стёпа читает.

СТЁПА: Доводим до вашего сведения, что присланная вами друза экскрементов...

СОНЯ: Ой, батюшки, спаси и помилуй!

МАНЬКА: (крестится) Прости мою душу грешную!

СТЁПА: ... друза экскрементов после неоднократных проверок...

ДЕД: Не тяни, паскудник, сорвусь в порыве!

СТЁПА: ... после неоднократных проверок оказалась слепком дерьма.

ДЕД: (не выдерживает, кричит) Ура! Ура! Ура!.. Извините, господа-братцы, нервы!

СТЁПА: (продолжает читать) Биологический, химический и радиоизотопный методы подтвердили визуальный и экспериментальный результаты анализа. Окончательный вывод высокой комиссии – говно. Заключение пробной группы – норма. Член-корреспондент Академии Наук... Подпись неразборчива, закорючка какая-то.

КУЗЬМИЧ: (поднимается) Ну, вот, видите... Кто пробовал, говорит, норма. (деду) Сергеич, глянь там, не идёт?

Дед выглядывает и тут же вытягивается по стойке «смирно». Слышны шаги.

ДЕД: Идёт, суп те в нос, идёт!

Все встают. Неожиданно гаснет свет. Раздаётся какой-то вскрик, визг. Все начинают кричать, выделяется голос дед.

Назад! Все назад! Ложись! То есть, садись! Покусились? Покусились?! Уведите благодетеля, заслоните! Всех постреляю! Считаю до одного – раз!

Гремят выстрелы, визжат бабы, матерятся мужики. Раздаётся вопль Стёпы.

СТЁПА: Мама-а-а, не отдадим!

Полицейская сирена, шум машины. Тишина.

КАРТИНА 13

Странное пустое пространство – то ли степь, то ли чужая планета – темнота и звёзды. Растерзанная кучка людей – Кузьмич, Соня, Манька, дед и Митька. Дед и Митька лежат на земле неподвижно, над ними тихо вопит Манька. Кузьмич стоит рядом неподвижно, мрачно смотрит вдаль.

МАНЬКА: Ой, да на кого ж вы меня оставили? Ой, да закопайте меня с ними!

СОНЯ: Марусь, у тебя сын ещё, Стёпка. Кто ж об нём позаботится? Не убивайся!

МАНЬКА: Осиротела... Осиротели мы со Стёпкой... Сынок! Где ты, сынок?

КУЗЬМИЧ: (сам с собой, трагически) Погибли... Ради дела погибли...

ДЕД: (подаёт голос) Кто погиб?

КУЗЬМИЧ: (машинально) Ты, дед, и Митька... Стой! (поворачивается) Ты?! Живой?

ДЕД: (садится) Еле-еле. Лучше б помер!

КУЗЬМИЧ: А Митька?

ДЕД: (гордо) Этот мёртвый! Весь в меня, я в парнях такой же был – шустрый и ненасытный!

МАНЬКА: Дак они ж пьяные, а я попусту тратюсь?! Ну, оживёт, убью!

ДЕД: Хе, хе... Я одной рукой стреляю, а другой – дай, думаю, от процветания немного урву, пока темно! А то, мало ли... И хлобысь, хлобысь!.. (вытаскивает из кармана огурец) Закусон-то какой, рази устоишь!?

КУЗЬМИЧ: Э-эх, нар-род!

Выхватывает у деда огурец, тычет им в рот Митьке.

Нате, жрите! Ещё бы чуть потерпеть... Впервой, что ль? Эх вы, опять не дотянули! Нате! Нате!

МАНЬКА: (наступает на Кузьмича) Чего эт ты огурцом ему в рот суёшь?

СОНЯ: (идёт на неё) А кому совать? Кузьмич что, железный – терпеть?

МАНЬКА: Все терпят! А моему Митьке совать?

Треплют друг друга, молча и угрюмо, почти дерутся.

ДЕД: Зря вы, девки. Нам всю жизнь суют... И если б только огурцы!

Женщины расходятся. Кузьмич обхватывает себя руками, опять стоит неподвижно.

Поднимается Митька, садится.

МИТЬКА: Мы-ы... где? Уже там? Где?

ДЕД: Не могу сказать при дамах, стыжусь.

Молчат.

СОНЯ: Егор, не молчи, не пугай! Ну, матюкнись, порадуй!

КУЗЬМИЧ: ОН мне руку... правую... «Крепитесь там!» -сказал... И интеллигентно так из машины меня...

МИТЬКА: Я вот думаю, отец... Эт какой лимузин-то был у него? У нас автобус, на Берёзово который, кажись покороче будет.

ДЕД: Дак он же та-акой народ представляет! Чтоб все видели, какие мы!

Вдалеке появляется Стёпа. Он в длинном, со скелета, плаще, с посохом, как странник, и с авоськой в руке. Подходит.

СТЁПА: (грустно, потерянно) Он меня за Берёзово пропёр... Потом за Малое Перекопное... Как пропуск через... через население. Люди-то вокруг несознательные, нервничают... А ты, говорит, хоть и тоже реформатор, но свой для своих. А Нюрку... А Нюрку совсем... с собой увёз.

КУЗЬМИЧ: И-и? Никаких поручений, напутствий, как... дальше развивать, приумножать... достигнутое? (на авоську) Эт не от него... чего-нибудь?

СТЁПА: Кости.

ВСЕ: Как? Какие кости? Чьи?

СТЁПА: Наши.

ВСЕ: Как наши? Как же? А мы... кто?

СТЁПА: Скелета нашего. Зачем, говорит, это фуфло? И палкой... битой по позвонкам... Вы сами, говорит, целый музей... Под открытым небом.

Все смотрят вверх на небо, на звёзды.

ДЕД: Я думаю, ребята... Думаю, я уже не дотяну... до чего-то там... такого... Если что, берите мой скелет, завещаю. Митьк, распорядись, как сын. Вот уж из пособиев пособие! Изучайте, детишки!

КУЗЬМИЧ: Да какой из тебя гаманоид, Сергеич? Да ещё и с пулей!

ДЕД: А со свинцом-то оно покрепше, никакой битой не перешибёшь.

СТЁПА: Не надо, дед, живи. Нас же и так все видят, не хуже экспонатов. А ОН бюст свой обещал прислать... В полный рост.

МИТЬКА: С ногами?

СТЁПА: Не, по пояс.

КУЗЬМИЧ: Это... Это... Это по-нашенски!

СТЁПА: Ничего, ничего. Пришлёт, подпишем «Человек!», чтоб знали, кто есть кто. Ничего... (тихо поёт) Фаина, Фай-на-на, Фаина, Фаина, Фай-на-на...

Все, тоже тихо, подпевают.

Эх-х, марципанов хочу!..

Все улыбаются, переглядываются, хотя ясно, что никто из них не знает, что такое марципаны.

КАРТИНА 14

В доме Бولшаковых. Кузьмич, в белом исподнем, ходит со свечой, что-то ищет.

КУЗЬМИЧ: Где, Сонь? Звонит же! Где?

Подходит Соня, она тоже в белой ночной рубашке.

СОНЯ: Лунатишь, что ль? Кто?

КУЗЬМИЧ: Телефон... белый... Звонит же!

СОНЯ: Ничего не слышать. Вы ж телефоны-то в коттедж отпёрли, к нему, в штаб.

КУЗЬМИЧ: Да ну, приснилось мне, что ль?

СОНЯ: А белый-то давно уж взорвался.

КУЗЬМИЧ: Как? Когда?

СОНЯ: А когда банки с огурцами тогда ещё потом стрельнули, по-новому которые. Дед Никита пальнул в него, он и разлетелся. В меня промазал, а в него в аккурат.

КУЗЬМИЧ: Жаль! Как же теперь-то? ОН обещал позвонить. Мы его вон куда выдвинули! А как же? Оттуда лучше рулить, чем из свинарника. А тут – на тебе! – никакой связи! Вот из-за таких, как дед Никита, до людей чего-нибудь важное и не дойдёт. Эх, тёмный народ! (глядит в окно) Гля, а в коттедже свет от подпола до чердака?!

СОНЯ: Широбоков его прикупил, второй магазин там устроил. Опять шопой назвал.

КУЗЬМИЧ: И почему это, Сонь, у них всё в шопе, а у нас всё... (прислушивается) Звонит? Там, там, в сенях звонит!

СОНЯ: Кому там? Осколки замела в уголок... От телефона... Да забыла под веником...

КУЗЬМИЧ: Они и звонят! Такое дело! Ты хоть вдребезги... А звонок оттуда (палец вверх) прорвётся! Слышь, ещё!? Слышишь? Дальше, на улице?

СОНЯ: Сверчки сверестят.

КУЗЬМИЧ: А-а, сверчки... А ну и что? Сверчки! Они испокон века поют, да не так. А щас, гляди, как выводят! Не-е, прям, как зовут! Так не так? Ну-ка, может, через них чего передадут... информацию... Щас техника-то, у-у! Скоро клопы не кусать, а прививки делать будут! Научат! Конечно, а как же... для людей всё...

Идёт на улицу.

СОНЯ: А и правда... Может, чего... Там...

Уходит за ним.

КАРТИНА 15

В доме Ванюшкиных. На столе горит керосиновая лампа. Дед и Стёпа в белых «кальсонных парах» сидят у стола. Дед ремонтирует часы с кукушкой..

ДЕД: А зачем нам кампютер? Его рази в темноте увидишь? А кукушку слышать. Ку-ку – вставай, мол! Ку-ку – ложись! Ку-ку – на двор сходи!

СТЁПА: Ну. Чего так тихо? Делай быстрее, дед, пусть тикают.

ДЕД: А оно тикает и без нас, Стёпушка... А мы кукуем.

СТЁПА: И внутри молчит всё, как придавило. Не поёт. (пробует петь) А-а-а... Э-э-э... Вишь, дед? А когда ОН был, я, кажись, самую дальнюю ноту мог бы достать! А-а-а... Не, не поёт!

ДЕД: Ничё, ничё, подберём чего-нибудь, чтоб осилить. Эту не тянешь, другую поищи.

СТЁПА: (воет) У-у-у... У-у-у... А когда ОН...

ДЕД: Да не «когда он», а когда я тебя по уху треснул, ты и запел! Помнишь?

СТЁПА: (горячо) Тресни ещё, дед! Врежь! Ну, прошу тебя, врежь! Н-на! Тараканы там, наверно, дедуль, тараканы. Откуда же они, блин? Ну, звездани, выбей! А то ничего, ничего не слышать... И как же быть-то тогда? Душа петь хочет, понимаешь? Звездани! Я очень хочу петь!

Плачет. Дед гладит его.

ДЕД: Это хорошо, хорошо, поплачь. Запоёшь ещё! И до этого... до «ля» с «бемолями» доберёшься. А врезать? Что ж, врежем! Вот разберёмся кому и врежем! Так звезданём, что... Токо мне уж, поди, не разобрать, кому и за что. Склярос не даёт, хитрит.

Вешает на стенку часы, запускает их.

Вишь, Стёпк, время-то пошло! Глянь, идёт! Всё пройдёт! Пой, Стёпушка, пой! (поёт) Фаина, Фай-на-на, Фаина, Фаина, Фай-на-на...

Появляются, все в белом исподнем, Манька с Митькой, Кузьмич с Соней. Весёлые и улыбочивые, они поют эту дурацкую песню, пляшут плавно, потом неистово, и останавливаются только когда громко и как-то по-человечьи кукушка в часах произносит: КУ-КУ!

ДЕД: Водички бы попить... Нутро жгёт...

Стёпа вздыхает, берёт в руки ведро и идёт к выходу. В дверях оборачивается.

ЗАНАВЕС.

ПИКОВАЯ ДАМА

ФАНТАСМАГОРИЧЕСКИЕ СНЫ В ДЕРЕВНЕ ТИХОЙ

Агриппа Савельич Пунькин, Грипуня

Вась Вась

Анна Федотовна (Бабаня)

Ванёк

Нюрка

Райка

Митька

КАРТИНА 1

БАНЯ

На лавке в предбаннике лежит на спине Грипуня. Штаны у него приспущены, рубаха задрана. Над его животом водит руками с сильно растопыренными пальцами Вась Вась. Он в вязаной шапочке, и по пояс завёрнут в белую простыню. В ногах у Грипуни сидит Ванёк. Он одет, в руках у него бутылка водки и стакан.

ВАНЁК: А чего у него там?

ВАСЬ ВАСЬ: Пупок нарывает.

ВАНЁК: Может, не завязали?

ГРИПУНЯ: Шисят шесть лет завязанный ходил!

ВАНЁК: Ну, мало ли!... Хайкин, вон, Мордехай-то, помнишь?... Шисят семь лет обречённый ходил, а в шисят восемь ребёнка сделал! Правда, через год помер. (наклоняет бутылку) Давай капну?

ВАСЬ ВАСЬ: Давай. Не помешает, Грипунь, очистится лучше... Небось с пионеров не ковырял?

Ванёк капает на живот Грипуне.

ГРИПУНЯ: (орёт) Товарищи-господа-земляки!... Рожу щас!

ВАНЁК: (наливает в стакан) На, не ори! Обезболивающее, под названием «огненная вода»! Самый верняк!

ГРИПУНЯ: Дык... На службе вроде?!

ВАСЬ ВАСЬ: Пей. На службе рожать неудобно, а пить можно!

Грипуня приподнимается, пьёт.

ГРИПУНЯ: (ложится) Когда вы отвыкнете в баню с водкой ходить?

ВАНЁК: (наливает) Не пришёл, у тя б пупок отвалился... (даёт стакан Вась Васе) Перекур, хирург... От слова «хер».

ВАСЬ ВАСЬ: (берёт) Не болтай! Всё будет цело... Ничё не отвалится! Можить, чё в трусах только... за ненадобностью. (пьёт и вдруг хватает Ванька за руку) Вишь?

ВАНЁК: Чего?

ВАСЬ ВАСЬ: Горячая, говорю!?

ВАНЁК: Дак у меня и погорячей сёдни!

ВАСЬ ВАСЬ: Не то!... Согни-разогни руку! (Ванёк исполняет) Хрустит?

ВАНЁК: Ну?

Вась Вась водит над его локтем ладонями, стряхивает их, опять водит. Потом на короткое время сжимает локоть.

ВАСЬ ВАСЬ: А щас согни!... (Ванёк исполняет) Не хрустит?

ВАНЁК: Ну?

ВАСЬ ВАСЬ: Вот те и ну! И я не верил, когда по телевизеру одно врем, кто непопада руками размахивал! Селидол заряжали, мол, помазал и живой!...А потом... недавно чую – горят ладони! Хоть прикуривай! Аж зудит и колет! Чё не трону... на себе – заживает, как на собаке! Ну, думаю, связь с космосом началась... У всех пропала, а у меня пошла! (Ванёк смеётся) И не хрен смешки разводить!... Ды я у Фроськи роды принял! Даже сам их произвёл! Она два дня орала, а я подошёл, вот так направил (показывает), и она враз окотилась! Да пятерых, сука!...

ГРИПУНЯ: (поднимается, садится) И я скажу тоже... Сколь я прочитал про народ, и везде хорошо писано. Про талант и остальное... Всё могём! Живём хреновато, но талантливые зато!... (Ваньку) Плесни половинку и иди мойся... За так!

ВАНЁК: (наливает, отдаёт) А Нюрка моя тут?

ГРИПУНЯ: Тут.

ВАСЬ ВАСЬ: И Нюрка, и бабка.

ВАНЁК: Бабаня?

ГРИПУНЯ: (хитро) Да-а... И Анна Федотовна!

ВАНЁК: Во, ёлки!... А мне даже билет не на што!...

ГРИПУНЯ: Мойся так. Спасём друг дружку! (пьёт) Всё мы могём... И тело спасти, и душу... Пора! (вдруг плачет) Пора, а то, вон, гнить начинаем...

Застёгивает штаны.

ВАСЬ ВАСЬ: Ни хера подобного! (кладёт руку на его живот) Три дня, и от пупка следа не останется! То есть, от болячки!

ВАНЁК Ты, Грипунь, краской пометь это место, на всякий случай, чтоб знать, где перёд! А то где ширинку искать будешь?

ВАСЬ ВАСЬ: Насмехушник! (Грипуне) Вчерась прихожу к нему, а он плачет...

ВАНЁК: (раздевается) Да не «плачет», а просто слёзы!...

ВАСЬ ВАСЬ: Чего, спрашиваю, об чём страдаешь? Говорит: хрен тёр. Ну и чё, говорю, больно, што ль? Не-е, говорит, как от лука!

ВАНЁК: Вась Вась, те пожарником только работать.

ВАСЬ ВАСЬ: Почему?

ВАНЁК: Заливаешь хорошо!

ВАСЬ ВАСЬ: Голимая правда! Кто не верит?

ГРИПУНЯ: Все верют. Ты Расскажи, лучше, как он на Нюрке пахал...

ВАНЁК: Ну-у, поехало по рёбрам!

ГРИПУНЯ: Расскажи, Васьк, а то забыли!...

ВАНЁК: (берёт таз) Айда мыться!

ВАСЬ ВАСЬ: (останавливает) Не-е, погоди! Те кто соху-то подсунил, забыл я? И говорит – легко, да?

ВАНЁК: Митёк хромой... Чудило!

ВАСЬ ВАСЬ: Ха-х... Ванька-то сам сперва тянул, дак у Нюрки нож – поверху. Ну, впряг её, а сам сзад. Матерился-то, орал на неё!... А потом, гляжу, затих. Ну-ка, думаю, ну-ка! И – зырк туда к ним, через забор... Вижу: тянет она, силится, ноги её туды-суды разъезжаются – склизко же! Дак она на все четыре встала, выгнулась, как коренник, визжит... А он смотрит на эту приятную... пирамиду-то – ну, раком же! – рычаги бросил, соха-то уж ему и на хрен не нужна – такая картина!... Вот смотрел, смотрел, потом захрипел – хватё её! – и к времянке! А она в раж вошла – орёт, отбивается, дрыгает... Холмы её все напряглись, вздёрнулись от энергии и дрожат, как живые! Гляжу, Ванёк совсем озверел, даже зубы показал... Ну, думаю, шас жеребцом заржёт! Он её тащит, а ляжки-то, ляжки – ну, вожжи от сохи! – на ней, на Нюрке! Ему бы отцепить, дак некогда – горит и чешется! И прёт! Плуг по уши в землю утоп, а он не чует... Какое там!?!... Уже пена на губах! Прё-от! Борозда – хоть кабель в тыщу вольт прокладывай, ей-богу! И шас через неё падают... Добороздил прям до порога и, слава богу, зацепился. Ну, дальше я только по вожжам ориентировался... Они то натянутся – то ослабнут, то натянутся – то ослабнут... Ну, думаю, пошла работа! Так и распахали плуг-то: вылез и концом кверху... Не знай, как порог-то цел остался!... Иль сковырнули?

ГРИПУНЯ: (заливается смехом) Могём!... Вот, из ничего – история! Могём!

ВАНЁК: Во, брехло! О, брехло!

ВАСЬ ВАСЬ: А мы шас Нюрку спросим... (кричит) Нюркеа-а!

ГРИПУНЯ: (тоже кричит) Лизавета-а! Ивановна-а!

ВАСЬ ВАСЬ: Каво «Лизавета»?! Нюрка, чай... Давай, мужики, все!..

Грипуня и Вась Вась зовут: «Нюрка! Нюрка!». Ванёк быстроскрывается в «мужском отделении». Из «женского» выглядывает Нюрка.

НЮРКА: Чего надо?

ВАСЬ ВАСЬ: Хорошо?

НЮРКА: А?

ВАСЬ ВАСЬ: Хорошо, говорю?

НЮРКА: Ой, хорошо, дядь Вась, как летаешь!...

ВАСЬ ВАСЬ: (кричит в сторону Ваньки) Вишь, Ваньк, Нюрка говорит: аж летала на карачках-то! (Нюрке) Эт я про то, как он на тебе пахал.

НЮРКА: Фу ты, дурак старый! (скрывается, но тут же выглядывает) Вась Вась?

ВАСЬ ВАСЬ: Ну?

НЮРКА: Ты хоть опилки-то выплёвываешь?

ВАСЬ ВАСЬ: Каки опилки?

НЮРКА: Как «какие»? Сколь зубы точишь, а опилки куда? Гляди, запоры замучают!

Она скрывается за дверью, оттуда слышится громкий смех женщин. Смеются и мужики.

ГРИПУНЯ: Вот, смеёмся... Это хорошо, что смеёмся! Целые, значит, живые! И банька что – хорошо! Вместе с грязью вроде как и дурь всякая выходит... А в дырки, заместо неё, воздух чистый заходит... Потому и легко, поди... Вот ты замечал когда: люди после бани не злятся!? Первое время, хотя бы... Да?

ВАСЬ ВАСЬ: (одевает рукавицы) Злятся.

ГРИПУНЯ: Да?

ВАСЬ ВАСЬ: (берёт тазик) У-у!

ГРИПУНЯ: (торопливо) Вот мне и подумалось, что вместе с очищением телесным, надо провести и очищение душ наших. Много там хламу ненужного и сраму накопилось!

ВАСЬ ВАСЬ: (встаёт) Умный ты, Грипуня, всю жизнь умный, а живёшь в дураках! Айда в парную! (уходит)

ГРИПУНЯ: (задумчиво) Можить оно и так, но теперь уж чего разбираться?

Из «женского отделения» выглядывает Райка.

РАЙКА: Агриппа Савёлыч!... Парку бы!... Подмышки сухие!

Из «мужского отделения» слышатся крики: «Грипуня, давай пару!» «Дыми, Грипуня, надоело на жопы глядеть!»

ГРИПУНЯ: (так же задумчиво) Вот... И сплошная скабрёзность...

РАЙКА: Чего «сплошная»?

ГРИПУНЯ: Скабрёзность. Мат.

РАЙКА: А где мат-то? Не слышать!

ГРИПУНЯ: Ну, вот... (кивнул в сторону «мужского»)

РАЙКА: Да какой же это мат?

ГРИПУНЯ: Всё равно.

РАЙКА: (удивлённо) Дак как? Тогда непонятно!... Жопа есть, а слова нету, что ль?

Из «мужского отделения», прикрываясь тазиком, выбегает Ванёк.

ВАНЁК: Извиняюсь за то, что в тазике!...

РАЙКА: Ой! (скрывается)

ВАНЁК: Грипунь, я от народа!... Открой винтиль-то! Ну, чё на сухую-то?

ГРИПУНЯ: (вдруг сердито) На сухую! Винищем прёт, а – на сухую! Фу!... Глядеть им надоело... Не гляди! Не на ярманке!... Мыться пришёл – мойся! Пару им не хватает... (грозно Ваньку) Где билет?

ВАНЁК: (стукнул по тазу) А вот он – проездной!

ГРИПУНЯ: (зло) Давай надорву!

ВАНЁК: Эт сперва с Нюркой посоветуйся!... Да не ворчи ты! Хлебни... вон, под лавкой... И давай пару!

ГРИПУНЯ: А? Под лавкой? (видит недопитую бутылку) Шутю!

ВАНЁК: Этим нечего шутить!

ГРИПУНЯ: (удивлённо) Как, как?

ВАНЁК: Поддай, говорю, парку и – айда по новой!... (скрывается в отделении)

Грипуня шарит в своей сумке, достаёт книжку, листает.

ГРИПУНЯ: (читает) «Этим нечего шутить – возразил сердито Германн.» (кричит) Дам пару, Ванёк! Щас всем дам пару!

Он быстро выпивает оставшуюся в бутылке водку, достаёт из сумки какой-то лист, прилаживает его на стене. Потом, воровски оглядываясь, торопливо раздевается, надевает шапку-ушанку, берёт тазик и веник, и уходит. Появляется завёрнутая в большое банное полотенце Нюрка.

НЮРКА: Грип Савелич? Грип Савелич? Да Грипуня, что ль?! Хрен старый, поди опять подглядывать пошёл! Грипуня-а! (видит лист на стене. читает) Ты гля, гля... (зовёт) Девки! Девки! Гля-а... (высовываются Райка и бабаня) Пойдём в артистки? Гля!

Бабаня, завёрнутая в простыню, с клюками в обеих руках выходит в предбанник. За ней – Райка.

БАБАНЯ: Ну-кошь, ну-кошь...

РАЙКА: Иди на разведку, бабаньк.

БАБАНЯ: Ну-кошь!

НЮРКА: Разведчицу нашла! Помрёт не доходя!

БАБАНЯ: Зато узнаю... (подходит, читает) «Пи... ковая дама...» Эт кто ж такая? «Пиковая...»

РАЙКА: (от дверей) Какая «пиковая»?

Из мужского отделения выглядывает Грипуня. Нюрка с Райкой с визгом скрываются в своём отделении. Грипуня – в шапке-ушанке, распаренный и красный, – прикрывая пах веником, выходит в предбанник. Видно, что его «разобрало» от водки и пара.

ГРИПУНЯ: (на бабаню) Графиня!

БАБАНЯ: Ай!... Чёрт! Ай!

ГРИПУНЯ: (идёт к ней) Графиня!... Анна Федотовна! Даже имя сходится... Настоящая графиня!

БАБАНЯ: О-ёй!

ГРИПУНЯ: Grand maman... au jeu... Ой, бля, памяти нет!... de la Reine...

Грипуня, забывшись, распахивает руки. Бабаня от страха роняет клюки

БАБАНЯ: Эт чаво такое? Ай, срамник! По-каковски ты меня? Ай, не подходи!... (кричит) Люди-и!... Нюрка! Ай, сильничают!

Прыжками, без костылей убегает в своё отделение. Грипуня поднимает бабкины палки, стоит, не зная, что делать. Из «мужского» с шумом выбегает распаренный Вась Вась, за ним со смехом – Ванёк. Они в шапках, в рукавицах, на бёдрах – полотенца.

ВАСЬ ВАСЬ: (орёт) Ванька, суп те в нос!... Забьёшь в усмерть!

ВАНЁК: Забить не забью, а без кожи останешься!... Могёшь!

ВАСЬ ВАСЬ: (садится) А кому я нужен буду, голый-то?

ВАНЁК: Бабка в огород воткнёт, сорок пугать! (замечает Грипуню) О, а ты чё, Грипунь Савёлыч, весь голый, как папуас? Стоп! Бабанькины костыли, родные... А где сама?

ГРИПУНЯ: Н-не... не знаю...

ВАНЁК: Зачем тогда сидишь здесь? Деньги собирать? Ящик с дыркой поставить – и то лучше!

ГРИПУНЯ: А пару кто давать будет, ящик?

ВАСЬ ВАСЬ: Он тут ещё паровозом работает!

Они смеются. Ванёк лезет под лавку, достаёт пустую бутылку.

ВАНЁК: Ох, ё-о-о...! Вот так пупок! (на Грипуню) На халяву и ртуть киселём, да?!

ГРИПУНЯ: (строго) А ну, повернись в профиль!

ВАНЁК: Куда?

ГРИПУНЯ: В профиль. (показывает) Вот так!

ВАНЁК: Н-на! (поворачивается)

ГРИПУНЯ: (странно и громко) «Лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля.»

ВАНЁК: (не понимает) Каво-о?

ГРИПУНЯ: Пушкин! Александр! Сергеич! Двести лет гению, а мы... всё материмся!

Швыряет в него костыли, одевается.

ВАНЁК: Каво?! Бабке скоро сто лет... Восемисть семь! Чего Пушкин-то? Может, она... вот, костыли отбросила!... А я ещё не выпил за это!

ГРИПУНЯ: Чего глохчешь-то?

ВАНЁК: А причина!... Бабаньку отпиваю!... Помирает!

ГРИПУНЯ: Она год помирает!

ВАНЁК: Во! Я и пью год!

ВАСЬ ВАСЬ: Без просыху!

ВАНЁК: Ну! Измучился!... Весь!...

ГРИПУНЯ: (вдруг мягко) Это нехорошо, Ваня.

ВАНЁК: Почему?

ГРИПУНЯ: Сопьёшься. А не помрёт?

ВАНЁК: Я ей не помру! Я ей, мля...! (кричит) Бабанька! Бабанька?! Нюрка?! Нюр?

Нюрка выглядывает из дверей.

НЮРКА: Чего орёшь-то на всю баню?

ВАНЁК: Бабанька пропала!

НЮРКА: Ды вон она на нижней полке лежит, крестится!...

ВАНЁК: А костыли чего?

НЮРКА: Залетела без костылей...

РАЙКА: (из-за неё) Она у вас ещё мотоцикл догонит!

НЮРКА: Вон, читала – спугнул кто-то. Давай!

Ванёк отдаёт костыли Нюрке. Вась Вась подходит к объявлению.

ВАСЬ ВАСЬ: Кто повесил? Место служебное... (хочет снять)

ГРИПУНЯ: (стучит по тазу) Василь Василич!... Людям повешено, людям и решать!

ВАСЬ ВАСЬ: На свет хотел... Ни хрена не вижу, буквы разбегаются. Ванёк, пока мамоны-то не залил, почитай.

ВАНЁК: (подходит, читает) «Объявление...» (всем) За то, что читаю, бутылка со всех! (читает) «Объявление. Тихояне!...»

НЮРКА: (из дверей) Кто-о?

ВАНЁК: (читает) «Ти-хо-я-не...» Ха-ха.. А ты как подумала?

НЮРКА: А кто такие?

ГРИПУНЯ: (нервно) Село – Тихое, мы, выходит, тихояне... Хутор – хutoryяне, Тихое – тихояне! Ну, чего тут!?

ВАНЁК: (читает) «Объявление. Тихояне! Господа!...» О, мля, дожили! (продолжает) «Мы потомки не только своих предков, но и других. Наш общий предок – Пушкин Александр Сергеич! И хотя у него предок был Ганибал, но это было давно, так же, как мы все – от обезьян. Прошлой зимой у нас сгорела библиотека, по причине неотапливаемости и козла...» Эт ты, што ль, козёл?

ГРИПУНЯ: Для обогрева, дурында! Со спиралькой!

РАЙКА: Его-то спираль уж давно не фурычит, ха-ха!...

НЮРКА: Ну, уж прям тебе!... Эт у твоего, хромого...

РАЙКА: Да я про Грипуню, подруга!

НЮРКА: А-а... Попадёшься и пупком доймёт!

ВАНЁК: Хе-хе-хе... А у него и пупок на бюлютне!

ВАСЬ ВАСЬ: Тр-р-р! Понесли! Читай, давай!

ВАНЁК: (читает) «Осталась одна книжка под чайником – „Пиковая дама“. Закон физики спас её. Чайник был худой и протекал, а сырые вещи не горят. Пушкин – наш гений – не сгорел. Он был забытый и обмочен...» Чево-о?

ГРИПУНЯ: Промок! «Чево, чево»!

ВАНЁК: (продолжает) «... А остальные три тома – в труху! И что нам остаётся делать, когда ему двести лет, как украшению, а библиотека с его словом сгорела?...»

ВАСЬ ВАСЬ: Не пойму я, про што?

ВАНЁК: Постой, не дочитал ещё...

ВАСЬ ВАСЬ: Дык я с начала не пойму! Кто писал, скажи живьём?!

РАЙКА: Грипуня, чую... Грамотно больно!

ГРИПУНЯ: (выходит на середину) Я!

ВАСЬ ВАСЬ: Чего там в конце, а то я начало не понял? Начни сызна!

ГРИПУНЯ: Братцы! Девки! Народ! (падает на колени) Вымираем мы! Вон уж сколь развалин, да заколочено... А вить мы тоже – Русь! И к нам ещё дети заглядывают, хоть и через внуков... А што ж видют? Дичаем мы!... (плачет) И как же, если ни они, ни мы не услышим тут его слово?! И всему этому я виноватый! Я-а... (валится на пол)

РАЙКА: (запахивается в простыню, подхлдит) С пару да на пол... Раздетый-то! (поднимает)

ГРИПУНЯ: Пустите меня!... Пушкина спалил!... Оскопил всех!

ВАСЬ ВАСЬ: (помогает Райке) Причандалы застынут!

ВАНЁК: Коки-моки!...

ГРИПУНЯ: Весь трёхтомник сгорел... И не прозвучит в наших местах... «Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!...»

ВАСЬ ВАСЬ: Сажай на лавку... Щас мы его!... (водит над его головой руками) Спокойно! Спокойно!

ВАНЁК: Мой стакан боком выходит!

НЮРКА: Ладно, про стакан-то!

ГРИПУНЯ: Места какие у нас – благодать! И коровы мычат – молочко пьём!... И птички чирикают, аж душа подпевает!... А глянем друг на дружку, не петь – выть хочется!... Он нас петь учил, а мы воём... Не-ет, Ванька... Нет, господа... Надо! Надо, чтоб с этой благодати полетело к нему наше «спасибо»!

РАЙКА: Говорит, гад, как поёт!... Кому спасибо-то отсылать?

ГРИПУНЯ: Это... это как бы... как бы образно! (достаёт из сумки книжку, читает) «Я готов взять грех ваш на свою душу...» Во! Во, как они!... «...Что не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут её чтить, как святыню...» А? Какие слова! А мы – не люди? Вот... Вот! (достаёт из сумки ещё три книжонки) Серия «Любовный роман»! ... Внучка оставила, в дороге читала... (читает) «... Он нежно двумя пальцами покрутил её соски. Она вскрикнула!» Дура! (бросает книги на пол) «Святыня» и... «соски»! Э-эх-х! Хыть понарошку... Хыть просто... Разыграть бы нам эту «даму» промеж себя! Вылезть из навоза, глянуть друг дружке в глаза... по-человечески и разыграть! Хыть напоследок!...

ВАНЁК: В «трынку», што ль? Или в «очко»?

ГРИПУНЯ: Тут другое... Хоть и карты тоже, но... Тут старуха одна... Графиня! Тайну знает кое-какую, а человек один... (Ваньку) На тебя похожий! Это он думает, что у неё тайна. Вот и хочет выудить её... из её...

ВАНЁК: Каво «её из её»?

НЮРКА: А-а... Я со школы помню... Его ещё не по-русски зовут, да? Генрих... Нет, Герман! Ты чё, Ванёк? Оперу ещё, помнишь, гоняли по радио? (поёт) «Уж Герман близится, а полночи всё нет...»

ВАНЁК: Ну, эт и я помню! Он её ещё топором тюкнул... Стоял за дверью, решался, а потом взял и тюкнул старушку!

РАЙКА: Вот до чего люди доходят!... Раньше такого не было!

ГРИПУНЯ: Погодите!... Нет... Револьвер там... (зажимает голову) Не старушка, а старуха! Не то-о!

ВАСЬ ВАСЬ: (валит его на лавку) Щас мы тебя!... Не боись! (водит над ним руками) И никаких старушек с топорами!...Ща-ас!

ГРИПУНЯ: (вырывается) Топором другую старушку тюкнули!

РАЙКА: И другую тоже? Вот чё делают! Чё делают... эти... наркоголики!

НЮРКА: Всех старушек перебьют, паразиты! Ой, бабанька-то там, жива – нет!

Убегает в отделение.

ГРИПУНЯ: (кричит) Старуха-а!... «Старуха! – закричал он в ужасе.»

ВАНЁК: (держит его) Нажрался на халяву-то!

В это время из двух отделений валит густой пар. Он быстро заполняет всё пространство. Никого не видно, слышны только голоса.

ВАСЬ ВАСЬ: А я семисть лет Пушкина помню, сызмальства: «Шалун аж отморозил палец, ему и больно... щикотно, а дед грозит ему в окне...»

ВАНЁК: Не дед – мать!

ВАСЬ ВАСЬ: А меня дед бил!

ГРИПУНЯ: Пар, пар пропадает!... Дух русский уходит! Всё – в пар!

РАЙКА: Махай простынями, загоняй! Махай!

ВАНЁК: Сымай простынку-то, я на тя голую гляну!

НЮРКА: Припадочным станешь со страху-то!

ГРИПУНЯ: Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!...

БАБАНЯ: (голос её перекрывает всех) Что ты, мать твою!... Задохнуса! Скорей!... Скорей.

Всё пространство заполняется паром

КАРТИНА 2

СОН ГРИПУНИ

Из «недр» пара выкатывается коляска. Её везёт девушка, похожая на Райку. В коляске — Графиня! Она очень похожа на бабаню. В руках у девушки банка с румянами, во рту шпильки.

ГРАФИНЯ: (зовёт) Скорей! Лизанька! Лизанька! Скорей!

Вбегает Лизавета Ивановна. Лицом – Нюрка. Она делает «книксен» и застывает у коляски.

ГРАФИНЯ: Что ты, мать моя! Глуха, что ли! Вели закладывать карету.

ЛИЗА: (книксен) Сейчас! (убегает)

Девушка открывает банку с румянами, занимается графией. Появляется Камердинер со стопкой книг. Несмотря на бакенбарды, он – вылитый Вась Вась.

КАМЕРДИНЕР: Ваше сиятельство! От князя Павла Александровича.

ГРАФИНЯ: Поль?! Что такое?

КАМЕРДИНЕР: Русские романы.

ГРАФИНЯ: А разве есть русские романы?

КАМЕРДИНЕР: Таких романов нынче нет. Но князь сказал: Не хотите ли разве русских?

ГРАФИНЯ: То есть такой роман, где бы герой не давил ни отца, ни матери и где бы не было утопленных тел? Я ужасно боюсь утопленников!

КАМЕРДИНЕР: (вздыхает) Таких романов нынче нет, ваше сиятельство!

Девушка оставляет своё занятие, берёт у него книги, подносит к графине, кладёт ей на колени и продолжает туалет.

ГРАФИНЯ: Хорошо! Благодарить. (камердинер кланяется, отходит) Лизанька! Лизанька! (вбегает Лиза с одеждой) Да куда ж ты бежишь?

ЛИЗА: (книксен) Одеваться!

ГРАФИНЯ: Успеешь, матушка. Сиди здесь.

Лиза садится на скамеечку у ног графини. Камердинер идёт по кругу, зажигает свечи. Висящие веники чудесным образом превращаются в канделябры. Гостинная.

ГРАФИНЯ: (Лизе) Раскрой-ка первый том, читай вслух.

ЛИЗА: (читает) «Русский любоаный роман»...

ГРАФИНЯ: Погоди: подвинь мне скамеечку, ближе... ну!

ЛИЗА: (подвигает, читает) «... Одна его рука гладила её тело, другая волосы...»

ГРАФИНЯ: Какие волосы?

ЛИЗА: (продолжает) «... Пальцы его облюбовали её бёдра...»

ГРАФИНЯ: Сильничать?

КАМЕРДИНЕР: Ваше сиятельство, это у них, как... два... пальца...

ГРАФИНЯ: (Лизе) Брось эту книгу. Сильничать! Что за вздор! (Лиза бросает книгу на пол) Отошли это князю Павлу и вели благодарить...

КАМЕРДИНЕР: Слушаюсь, ваше сиятельство! (поднимает книгу)

ГРАФИНЯ: (Лизе) Что ж ты не одета? Всегда надобно тебя ждать! (Лиза встаёт) А какова погода? – кажется, ветер.

КАМЕРДИНЕР: Никак нет-с, ваше сиятельство! Очень тихо-с!

Слышится чей-то голос: «Тихояне! Тихояне!»

ЛИЗА: (неожиданно громко поёт) Уж Герман близится, а полночи всё нет! всё нет! всё нет!...

ГРАФИНЯ: Что с тобой сделалось, мать моя!? Столбняк ли на тебя нашёл, что ли? (Лиза убегает. Камердинеру) Вы всегда говорите наобум! Отворите форточку.

Камердинер отворяет окно. Врывается ветер, гаснут свечи. Темно. В темноте появляется силуэт со сверкающим топором. В бликах лезвия – лицо Германа. И этот Германн — вылитый Ванёк.

германн: (с безумными глазами) Чей это дом?

КАМЕРДИНЕР: Графини... такой-то.

германн: Ей восемьдесят семь лет, она может умереть через неделю, через два дня! А я ещё не выпил за это!...

КАМЕРДИНЕР: Не просыхаешь!

германн: Измучился! Весь!... В доску!

ГРАФИНЯ: Так и есть: ветер! и прихолодный! Задница стынет! Затворите форточку.

германн: (подмигивает) Пойду пока другую тюкну!

Камердинер закрывает окно, силуэт исчезает.

ГРАФИНЯ: Ветер... на двор не сходишь!

девушка: Сдует!

КАМЕРДИНЕР: А не поставить ли, ваше сиятельство, козла? Для тепла!

ГОЛОС: Нет. нет. нет! Никаких козлов!

Камердинер зажигает свечи. Графиня сидит в коляске с раскрашенным, как кукла, лицом. Девушка втыкает шпильки в её невообразимо растрёпанную голову. Посреди гостиной стоит Грипуня. Он голый и в шапке-ушанке. В одной руке у него чайник, в другой веник, которым он прикрывает свой пах.

ГРИПУНЯ: Никаких козлов, товарищи!

ГРАФИНЯ: Кто таков? Что за наряды?

ГРИПУНЯ: (кланяется) Вы живите, сиятельство, своей жизнью!... Живите, я не помешаю... Я незаметно... так... Сколь от этих козлов на Руси пострадало, господа-товарищи-земляки! Существойте, ваше сиятельство, существойте... Вот и чайник на всякий-який... Чуть чего – и на книжки его! (берёт у камердинера и графини книги, делает стопку, ставит чайник) А вы живите, дышите... А меня нет! Бонжур вам!... Я пусть буду... этот... слуга! Вот и свечки бы задуть – сгорим! *Идёт по кругу, задувает свечи.*

КАМЕРДИНЕР: Слуга, ваше сиятельство, Грип...

ГРАФИНЯ: Грек?

германн: (в окне) Папуас он, папуас голый!... «Огненная вода» любит, халявщик!

ГРАФИНЯ: Грипуня-то? Да будя!... Грек! Ну ты в баню! Хи-хи-хи... Лизанька!

Она звонит в колокольчик. Прибегает Лиза-Нюрка. Она в шляпке и в банном полотенце.

ГРАФИНЯ: Зачем это?... Кого прельщать?

ГРИПУНЯ: (беспокойно) Чего-то не так!... И зачем я тут? Путаю всех!... (опускается на пол, ползёт в темноту) Тихо-тихо-тихо!... Пушай папуас, пушай голый... Только нету меня! Я не тут! А вы продолжайте... Князь вам книжки... (достаёт из-под чайника книжку, отдаёт Лизе, ползёт дальше) Читайте!

ЛИЗА: Сызна?

ГРАФИНЯ: Читай вслух.

ЛИЗА: (читает) «...Я слишком стара для тебя. Заткнись! – крикнул он хрипло, прижимаясь губами к её губам...»

ГРАФИНЯ: Громче!

ЛИЗА: «Заткнись! – крикнул он хрипло, прижимаясь губами к её... её...»

Германн: (его крик) Каво «её-её»? Каво «её-её»?

Из темноты появляется Германн. Он – папуас! – чёрный, в набедренной повязке и в той же инженерной фуражке. В руках у него топор.

КАМЕРДИНЕР: Суп те в нос!... Забьёт вусмерть!

ПАПУАС: (бросается на графиню) Без кожи останешься!

ГРАФИНЯ: Ай! А-йй!

ДЕВУШКА: Вот чё делают, наркоголики!

КАМЕРДИНЕР: (:выставляет перед Папуасом ладони) Ни хера подобного!... Не бойсь! Ща-ас мы его!... Ща-а-ас!

Папуас останавливается и, сгибая и разгибая руки в локтях, и поворачиваясь в невидимых лучах, кричит от удовольствия.

КАМЕРДИНЕР: Как, жгёт?

ПАПУАС: О-ох! А-ах... (вдруг поёт) «Что наша жизнь? – Игра-а!»

ДЕВУШКА: (подскакивает, встаёт между ними) Ты лучше меня прошурай!... У меня вот тут (на поясницу) вступило... Поди, нерв... седалищный... Аж ногой хромаю!

КАМЕРДИНЕР: (направляет ладони на неё) Оголять придётся!

ДЕВУШКА: (поворачивается к нему спиной, задирает платье) На!... Шпарь своим космосом!

ГРИПУНЯ: (с пола) Райка-а!... Графиня ж тут!

КАМЕРДИНЕР: Ну, ка-ак?

ДЕВУШКА: Ой, жгёт! Ой, жгёт! Ой, жгё-о-от! (упрыгивает в темноту)

ЛИЗА: (проползающему Грипуне) Поддай, поддай парку!

ПАПУАС: Каво-о-о?!...

ГРИПУНЯ: Братцы, да вы што?!

ПАПУАС: Как пупок-то?

ГРИПУНЯ: Ничего, цел.

ПАПУАС: Ну-кошь?!...

Наклоняется над ним и вдруг плачет.

ГРАФИНЯ: Что с тобой, mon sher ami?

ПАПУАС: (плачет) Хрен тёр!

ЛИЗА: О, grand maman!

ГРАФИНЯ: Громче!

КАМЕРДИНЕР: Хрен тёр! (тоже плачет)

ГРАФИНЯ: Не тебя!... (Лизе) Что ты, мать моя, с голосу спала, что ли? Громче!

ЛИЗА: (кричит) Он хрен тёр!

ГРИПУНЯ: (вскакивает с пола) Господа! Господа!... Нету такого, нету-у! (графине) Про карету, про карету спроси!...

ГРАФИНЯ: Да что ж карета?

ГРИПУНЯ: (шепчет Лизе) Скажи: карета подана!

ЛИЗА: (ему) Правда, что ль?

ГРИПУНЯ: Ды да!... Ды да!

ЛИЗА: Тут какая-то карета подана... Ой, а у меня подмышки сухие! (убегает)

КАМЕРДИНЕР: (рыдает) Вот и карета подана!...

Из темноты на свет вылетает га мотоцикле, в шлеме, Девушка-Райка.

ДЕВУШКА: Ага, карету ей!... Она ещё мотоцикл догонит!

Графиня вдруг срывается с коляски и бежит за мотоциклом.

ПАПУАС: (бросается за ней) Костыли!... Костыли родные где? (выхватывает их из темноты) На, жми в четыре ноги!... (бросает ей)

ГРАФИНЯ: (ловко ловит) Ну-кошь!... Хе-хе-хе... (прыгает на костылях по кругу) Я, бывало, в пирамидах участвовала... С флажком стояла... Вон, у Васьки на плечах!

КАМЕРДИНЕР: Всего истоптала, твою grand maman!...

ГРАФИНЯ: «Слава!» – кричала, токо кому – забыла...

ДЕВУШКА: (проносится на мотоцикле) Бабанька-а-а!...

ГРАФИНЯ: Помру, но догоню! (убегает за ней)

ПАПУАС: (кричит) Нюрка-а, бабанька пропала!

ЛИЗА: (появляется) Генрих!... Генрих! (поёт) «Уж полночь близится, а Генриха всё нет...!» ГРИПУНЯ: (с пола) Где? Где вы взяли?... Вот! (хватает из стопки книгу, читает) «... Вот так намного лучше, – заметил Майк, вновь принимая её в свои объятья и беря в руки её грудь...»

ГРАФИНЯ: (появляется в банном, с костылями) Чаво, всю? Всю две, грудя-то?

ГРИПУНЯ: (бросает книгу, зажимает голову) А-а-а!...

ЛИЗА: А у меня вот шишка в грудях... Анька уж полгода, как не сосёт, а вот образовалась.

КАМЕРДИНЕР: Дай-ка пощупаю.

ПАПУАС: Я те пощупаю! Я те пощупаю!

КАМЕРДИНЕР: Пердон, по-французски!

ГРИПУНЯ: (вскакивает с пола, кричит) Не скабрёзничать! Не скабрёзничать!

КАМЕРДИНЕР: Да хренотень всё это! Я вот те расскажу, как Герман этот на Нюрке пахал... Он, Ванька-то, запряг эту Лизавету Ивановну вместо кобылы...

ГРИПУНЯ: Не то!... Не то-о!... (воет, зажав голову) У-у-у-у...

КАМЕРДИНЕР: (:хватает его, валит опять на пол) Щас мы тя вылечим!... В момент!

ГРИПУНЯ: (кричит) Воем! Воем!... У-у-у-у...

КАМЕРДИНЕР: Ни хера подобного!... (водит над ним руками) Три дня – и отвоешься!

ПАПУАС: (поёт) «...Три карты! Три карты! Тройка... Семёрка... Туз... А —ха-ха-ха! ...» Очко!

ЛИЗА: (ему) Я те поиграю! Я те дам «очко»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.